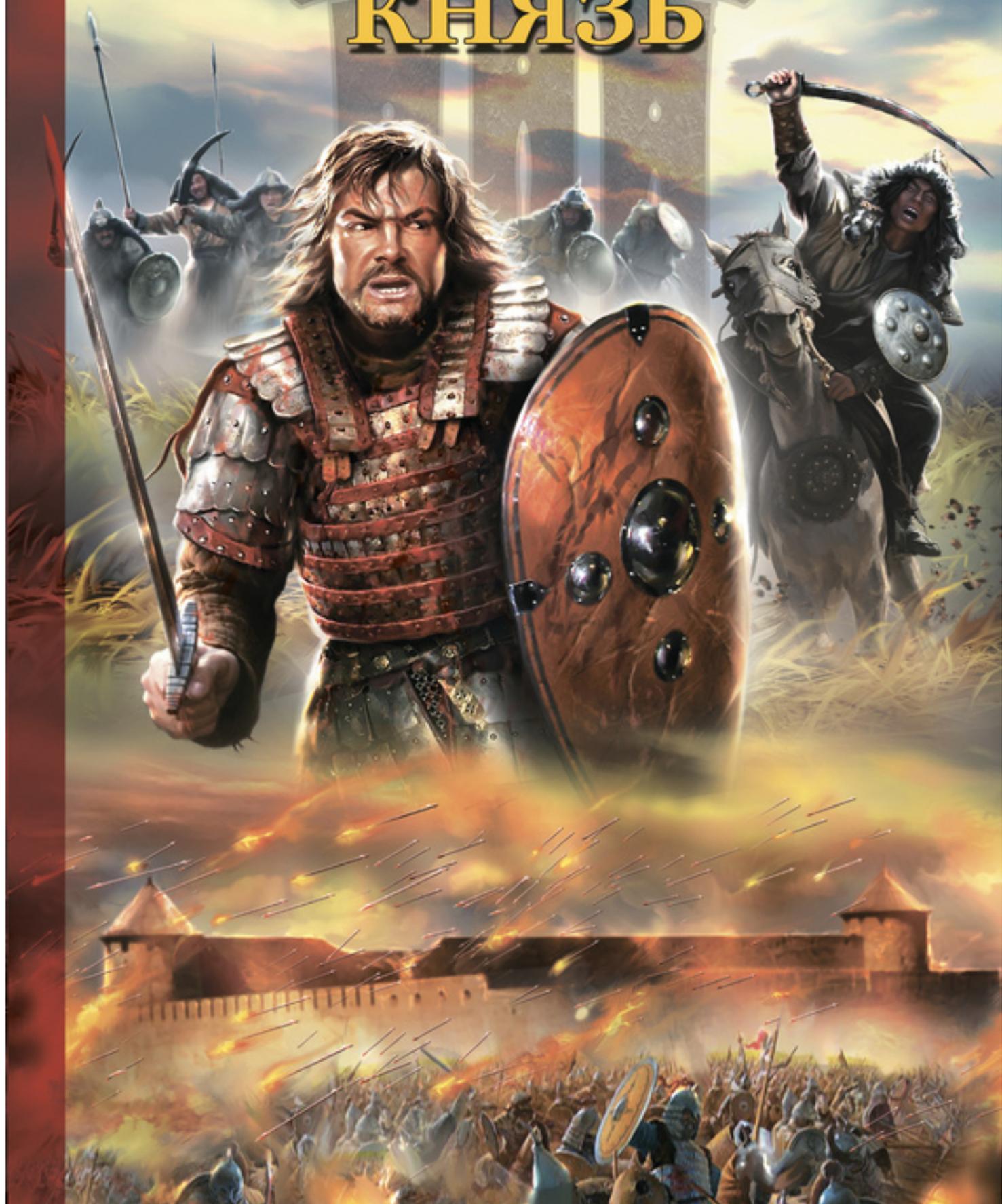

АЛЕКСАНДР МАЗИН

КНЯЗЬ

Варяг

Александр Мазин

КНЯЗЬ

«Автор»

2005

Мазин А. В.

Князь / А. В. Мазин — «Автор», 2005 — (Варяг)

«Князь» – третья книга древнерусского цикла Александра Мазина. Сергей Духарев – воевода и наставник молодого князя Святослава, князя-воина, покорившего великую Хазарию и Булгарское царство, расширившего пределы Киевского княжества от Каспия до Черного моря. Равного ему полководца не рождалось со времен повелителя гуннов Атиллы...

© Мазин А. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая,	13
Глава пятая	16
Глава шестая	22
Глава седьмая,	25
Глава восьмая	30
Глава девятая	32
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая,	40
Глава двенадцатая	45
Глава тринадцатая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Мазин

Князь

Часть первая

Рожденный побеждать

Глава первая

Великий князь киевский Святослав Игоревич

– Ничего нету, великий князь, – староста-улич, приземистый, рыжебородый, тяжелорукий, смотрел вниз, в растрескавшуюся серую землю. – Все как есть вымели.

– Кто вымел? Что ты болтаешь, мужик! – высокий юношеский голос сорвался, дав петуха. – Я, князь твой, приехал за данью! И ты дашь мне мое!

Серый в «яблоках» холеный красавец, боевой конь князя, почуяв настроение хозяина, пошел вперед, но был осажен железной рукой прирожденного всадника.

– Не дам, – глухо, по-прежнему не поднимая глаз, проговорил староста. – Нету ничего...

Неподалеку протяжно замычала корова.

– Вот врет! – подал голос один из дружинных. – Скотина есть, и зерно, если поискать, найдется. Дозволь, княже?

– То забирать нельзя, – пробубнил староста.

– Не сердь меня, мужик! – воскликнул князь. – На моей земле я решаю, что можно, что нельзя!

Загорелая, не по-юношески жилистая рука легла на рукоять длинной, слегка изогнутой сабли, еще полгода назад принадлежавшей печенежскому хану.

Староста в первый раз поднял голову, поглядел исподлобья.

– С одного бычка две шкуры не снимешь, великий князь, – сказал он. – И по Правде, и по обычаю. Можешь меня убить, но не будет тебе дани.

– Что ж... – пухлые губы князя тронула недобрая усмешка. – Сам напросился.

Серебристая молния вынырнула из ножен и...

...Сбитый с ног староста шлепнулся на землю, а сбивший его грудью гнедой конь, статью не уступающий княжескому, встал между князем и смердом.

– Не надо, княже! – Всадник гнедого, огромный, длинноусый, в высоком, сдвинутом на затылок шеломе спокойно встретил взгляд бешеных голубых глаз. – Не убивают *свою* корову, если *чужой* сдоил молоко. А вот вору десницу укоротить – это доброе дело! Так, княже?

Юный князь выдохнул. Сабля скользнула в ножны, словно змея в норку.

– Так, воевода, – нехотя вымолвил князь, смиряя гнев. И с еще большим усилием выдал: – Благодарю, что удержал... То – по Правде...

Воевода киевский Серегей, которого когда-то звали Серегей Духаревым, видел, чего стоило юному князю обуздать свою ярость. Это чертовски трудное дело для юного воина – держать чувства в узде. Но именно это умение делает воина – князем. Этому учили Святослава наставники: Свенельд, Асмунд и он, Сергей Духарев, человек, рожденный в другой эпохе, но давно уже ставший своим – в этой. Великий князь киевский Святослав Игоревич оказался отменным учеником и обещал превзойти учителей... если переменчивая судьба не оборвет жизнь князя-воителя раньше...

Сбитый с ног староста лежал в пыли, закрыв глаза, – ждал смерти.

– Чиж! – обратился воевода к отроку, который обвинил старосту во лжи. – Подними его!

Дружинник спрыгнул на землю, подскочил к старосте, занес ногу, намереваясь пнуть...

– Я сказал подними, а не ударь!

Рык воеводы мгновенно изменил намерения дружинника.

Чиж ухватил старосту за руку.

– Вставай, мужик! – сказал он почти ласково. – Вставай, не убьют тебя.

Сергей огляделся. Вообще-то так себе деревенька. Дюжины две дворов: крытые соломой избы, землянки... Сотни полторы поселян... Сейчас все попрятались: за тынами, в избах, в норах... А кое-кто вообще сбежал. Ясное дело: пришел князь за данью, а дани уж нет. Страшно. Но еще страшнее – если князь последнее отберет? Как тогда зиму пережить?

Отец Святослава так и поступил однажды. С древлянами. Решил содрать три шкуры с одного бычка... И потерял собственную.

«Кто же нас опередил?» – подумал Духарев.

– Кто? – спросил он старосту.

– Не-е ведам-м... – промычал тот. – Вои пришли, взяли...

Пенек деревенский. Для здешних, южных, все воины на одно лицо. И все – берут. С них, с отцов их, с дедов-прадедов. Стригут, как овец. Но овцы на то и овцы, чтобы их стричь.

– Одеты как?

– Ну-у... – староста глядел не в лицо воеводы: в полированное зеркало на груди. – Как вы, токо поплоче. На конях...

– Имена! Как они друг друга называли? Старшего как звали? Ну!

– Кажись... Погошем... – Староста поскреб затылок. – Или Тогошем...

– Тотошем? – раздался звонкий голос князя.

– Ага! – Староста обрадовался. – Точно, Тотошем его кликали!

– Угры!¹ – пухлые губы киевского князя изогнулись по-волчьи. – Угры, Серегей.

– Давно?

– Как месяц в рост пошел.

Духарев прикинул: от новолуния прошло дней семь. Многовато.

Святослав выжидающе глядел на своего воеводу: что скажет?

А что сказать? С ними – большая сотня² дружинных. Хватит, чтобы перехватить угров в поле, но слишком мало, чтобы биться на угорской земле. Успеют ли они перехватить? Семь дней все-таки... Или послать за подкреплением? В любом случае надо драться. Спускать такое нельзя.

– На конях, говоришь? – сказал Духарев старосте. – А что у вас взяли, тоже на коней выючили?

– Не-е! – староста мотнул кудлатой, серой от пыли головой. – Они повозки у нас взяли... Одну, две... – Староста зашевелил губами, считая... – Шесть повозок!

Сергей посмотрел на Святослава, князь тоже посмотрел на воеводу – и просиял. Повозки поселян – не кочевые кибитки. С повозками не разгонишься, колеса не те.

– Достанем? – беззвучно спросил князь.

– Достанем, – кивнул воевода.

Сколько приходило угров, никто не спросил. Как догонят, так и посчитают. Тем паче мертвых угров и считать проще.

¹ Угры – венгры.

² От ста двадцати до ста пятидесяти человек.

Глава вторая

Дикое Поле

Степь, степь, степь. Дикое Поле...

Мелькнула вдаль стайка кочевников. Удирают. Угры или печенеги, издали толком не разберешь. Углядели пыль над дорогой (пыль в степи далеко видать), сунулись, увидели сверкающие брони да русские стяги – сыпанули прочь. Не те. У тех возы с добычей, седельные сумы полнехоньки, а у этих только стрелы в саадаках.

– Э-эх! – с сожалением вздохнул юный князь, уже приподнявшийся на стременах и потянувшийся к луку. – Зайцы!

Он пронзительно засвистел, отзывая разъезд, погнавшийся было за степняками.

Коней беречь надо.

Сергей улыбнулся, погладил толстые усы – отличительный признак воина-варяга. Молодец, князь, понимает дело.

Однако ж и киевлян в степи уважают. А прежде не так было. Когда Серегин конь первый раз вошел в ковыльное море, никто из степняков русов да варягов в грош не ставил. И вполне заслуженно. Обычная северная оборонная тактика: спешиться, встать стеной, щитами прикрыться, копьями ошестиниться в степи – верная гибель. Завертится «карусель», завизжат степняки, защелкают луки... И конец. Степная стрела дырочку всегда найдет.

Теперь – другое. Теперь и варяги научились бить с седла не хуже копченых печенегов: любой из русской дружины за полтора шагов на скаку из трех стрел две в цель положит, а чужую стрелу на свой щит примет.

Зря угры повозки взяли. Кабы верхами убегали, могли еще затеряться, а так, по шляху, ни за что не уйдут.

Дружина шла три дня. Шла вчетверо быстрее, чем нагруженные добычей угры. Молодшая дружина. Ближние гридни юного князя. Самый старший почти вдвое моложе Сергея.

«Ты, Серегей, не за данью идешь, – говорил Духареву с глазу на глаз старший киевский воевода Свенельд. – Молодых в деле проверить. За князя – головой!»

Духарев только усмехался. Можно подумать, так предан Святославу князь-воевода. Можно подумать, не сам Свенельд определил, с какой части его, Свенельдовой, еще при отце Святослава Игоре мечом взятой, земли возьмет киевский князь положенную долю.

Свенельд тоже понимал, что Духарев – понимает. И это ему, понятное дело, не нравилось. Но говорил каждый раз одно и то же. Потому что должен был сказать. Игра у них такая: Свенельд делает вид, что интересы Святослава ему дороже своих, а Духарев делает вид, что верит.

А до Свенельда Сергея княгиня страшала. У княгини тоже свой интерес. Умная баба княгиня Ольга. Умная, жесткая, все земли, что под киевским князем, – в ее маленьком кулачке, в каждом городке – ее посадник. Но была б ее воля, сидел бы безвылазно юный князь у себя в тереме, а еще лучше – в тереме самой Ольги, в Вышгороде. Княгиню тоже понять можно. Был у нее старший сын, сразу после брака рожденный. Чуть подрос – ушел княжить в Тмутаракани. Хаканом стал... Ан не сиделось ему на месте, двинул в поход: уплыл по дальнему Гирканскому морю. Там и сгинул.

Святослав – младшенький, поздний, единственный... Век бы от себя не отпускала. Но вот загвоздка: править великим княжеством Киевским Ольга предпочитает сама. А чем дальше от стольного града Киева его князь, тем больше власти у княгини-матери. Святослав же лет эдак с двенадцати всем дает понять, кому принадлежит по Правде стол киевский.

Единственный, кто пекся о молодом князе, не имея корыстных мотивов, – это пестун его, старый Асмуд Стемидович. Стемидыч Духарева пугал-поучал по-варяжски: береги, мол, князя, не то самолично пополам разрублю. Этот может. Хоть и старый, а все равно лучший

воин меж варягов. А варяги, как известно, лучшие вои из всей Руси³. Духарев, впрочем, тоже варяг. Но Асмуда ему не одолеть. Только не придется Стемидовичу рубить воеводу Серегея. Если не вернется Святослав из похода, то и Духарев не вернется. Рядом ляжет.

Но лучше вернуться. Домой. К жене любимой, (столько лет вместе, а все еще – любимой), детишкам, коим тоже без отца плохо. И так он, Сергей, больше времени в походах проводит, чем дома. Ну да это по здешним обычаям нормально. Младшие – с матерью, а при старшем, Артеме, которому уже десятый год, пестун – дед Рёрах.

Был Рёрах когда-то вождем варяжским, потом ведуном-отшельником, а теперь на киевском подворье у воеводы Серегея – на правах родича. Мог бы старый варяг Рёрах и на Белозеро вернуться, там у него настоящая родня, но предпочел Киев. «Тут у вас зима теплее, а моя мертвая нога холодов боится!» Мертвая – это та, вместо которой у Рёраха деревяшка. Мог бы Рёрах и у Асмуда жить: тот очень звал; мог бы – своим домом: золота у Рёраха – два сундука. Но предпочел подворье Духарева. Может, из-за Слады, которая почитает его, словно отца, а может, из-за парса Артака, кудесника-огнепоклонника, духаревского челядина, с которым Рёрах в большой дружбе.

– Скажи-ка мне, Серегей, отчего ты христианин? – это Святослав поравнялся с погрузившимся в думы воеводой. Поравнялся, но близко не подъехал: чтоб голову не задирать. Телосложение у князя отменное, богатырем будет, а вот ростом не очень-то высок. Может, еще подрастет...

– Был я в капище вашем, – продолжал Святослав. – Темно, душно, неживым пахнет. То ли – на Перуновом!

– Я Бога не по запаху выбирал, – проворчал Сергей.

Не первый раз уж князь до его веры докапывался.

– А по чему?

Сергей мог бы сказать: по родичам. Но родичам его еще предстояло родиться, а родичи Святославовы все как есть язычники.

– Сердцем.

– А-а-а... А говорят: тебя однажды на волоховых игрищах главным выбрали.

– Кто говорит? – осведомился Духарев.

– Асмуд. А ему твой челядник рассказал, Рёрах.

«Вот болтун старый...» – сердито подумал Духарев.

– Рёрах – не челядник мне, – заявил он вслух.

– А кто?

«Сэнсэй. Учитель». Так следовало ответить. Без Рёраха Духарев, скорее всего, в первый же год своего пребывания в этом суровом мире кормил бы опарышей.

– Учил он меня.

– Пестун, что ли?

– Вроде того, – не стал вдаваться в подробности Духарев.

Для юного князя Сергей всегда был воином, причем воином *славным*, отмеченным и уважением старших киевских людей, и в местном фольклоре. Рассказывать о неумехе, не знавшем, как натянуть тетиву, не стоило. Все равно не поверит князь. Решит: смеется над ним воевода Серегей.

А ведь именно тогда выбрали Духарева главным жрецом на волоховом празднике, представив почетное право лишить невинности юную кривичанку.

До сих пор вспоминать противно. Хотя тут у них понятия педофилии нет. Двенадцатилетних в жены берут. Вон княгиня первенца своего лет в четырнадцать родила. И неплохой

³ Напомню, что русь, а еще точнее «княжья русь» – это пока еще не народ, а воины и сторонники киевского князя. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основании весьма немногочисленных источников.

муж получился: хакан тмутараканский. (Правда, потом удача от него отвернулась: погиб то ли на Кавказе, то ли под Дербентом). Нет, у славян да варягов с этим делом еще терпимо. У степняков – хузар да печенегов – куда хуже. Машег, вон, про ихнего хакана Йосыпа рассказывал: этот урод гарем себе завел из малолеток обоего пола. Машегу Сергей верил: тот был правильный хузарин, благородный воин. А хакан у них – полное говно. Окружил себя византийскими купчиками да исламскими наемниками, возомнил себя степным императором – и просрал державу. А какая страна была: от Каспия до Черного моря.

– Что-то угры в этот год расшалились... – сказал Сергей, желая сменить тему. – Обнагтели хуже печенегов.

– Свенельд говорит: это потому что хузары ослабли, а вместо хузар нынче – печенеги, – серьезно ответил Святослав. – А печенеги сами пограбить любят еще побольше угров.

– Так и есть, – согласился Духарев.

Хотя угры всегда были парнями лихими. Еще недавно Европа от них стонала, но несколько лет назад германский король Отгон Первый уграм крепко накостылял. И угры переключились на восточных соседей: Болгарию, Киев и, само собой, богатенькую Византию. С болгарями, впрочем, угры то дрались, то мирились и вместе щипали ромеев. С русами дело обстояло сложнее. Еще при Игоре Свенельд перехватил у угров целую кучу данников. Собственно, всех, кого стоило прибрать к рукам. Теперь задачей Киева было сохранить добытое. На другие мадьярские территории Киев не посягал. Смысла нет. Дешевле выйдет прирасти за счет разваливающегося Хузарского царства.

– Свенельд сказал: скоро время вятичей под себя брать, – будто читая мысли Сергея, сказал князь. – Хочет в будущем году ратью на них идти.

– Тоже правильно, – Духарев посмотрел на Святослава. Интересно, понимает ли тот, что если Свенельд примучит вятичей, то и львиная доля их богатств тоже пойдет Свенельду?

Когда-то князь-воевода Свенельд поднял варяга Сергея из десятников в сотники, а потом и воеводой сделал. Но то – прошлое. Теперь Свенельду сильные люди подле князя не нужны. И сильный князь тоже не нужен. Они с Ольгой уже поделили киевскую державу, расписали, кому что, насажали своих посадников да тиунов. Смердам, конечно, от этого облегчение. Оброк – это не то, что полюдые, когда князь берет сколько сочтет нужным. Оброк – это порядок. Только при таком раскладе не воины нужны, а мытари да стражники. То есть варяжскому сословию – прямой урон. А Духарев – варяг, вождь.

– А сам? – спросил он.

– Что – сам? – князь недоумённо посмотрел на него, даже коня чуть придержал, и их тут же начали догонять передовые дружинники. Сергей повернулся, махнул рукой сотнику: три корпуса назад. Этот разговор – не для чужих ушей. Подъехав к князю вплотную, едва не касаясь стремением стремени, наклонился, спросил:

– Сам на вятичей пойти не хочешь?

Святослав посмотрел на него снизу вверх, но не отъехал, сверкнул озорными глазами:

– Хочу!

– Так иди, – негромко произнес Духарев. – Ты – князь.

– Да, – васильковые глаза юноши сузились, он не мигая смотрел на своего воеводу. Их кони шли так слаженно-ровно, словно оба плыли в одной лодке. – Я – князь!

– Князь! Воевода! – крикнули сзади.

Оба за разговором не заметили, что левофланговый дозорный, въехавший на макушку ближнего кургана, стремглав полетел вниз.

Князь движением колен послал коня навстречу. Сергей приотстал, позволил передовым дружинникам обогнать себя. Конь под ним – заводной: боевого, собственноручно выученного и традиционно названного Пеплом (хоть и был он гнедым, а не мышастым) вел на поводу отрок. Но и заводного ни к чему изнурять. Все равно эти юниоры без него не начнут.

Глава третья

Княжья охота в Диком Поле

Угры! Через десять веков их будут звать венграми и считать европейцами. Но в веке десятом с расстояния в четыреста шагов они мало чем отличались от печенегов. Та же легкая конница. Если бы не возы, ушли бы они от руси за милую душу. Но вождь угорский, Тотош, добычу бросить не пожелал. Было с ним, на первый взгляд, копий полтораста. Немногим более, чем в Святославовой ближней дружине. Были бы на месте угров пащинаки-печенеги, распихали бы по сумкам самое ценное и дали деру. Угры решили драться.

Возы остановились посреди тракта. С кургана, на котором бок о бок стояли Духарев, Святослав и еще с полсотни конников, угры – как на ладони. И возы славянские низкие, с малыми колесами, не для степи – для дороги, набитые под завязку и накрытые сверху холстиной – от пыли, тоже отлично видны. За такими телегами не особо спрячешься, разве что под повозки залезть, как угровы полоняники, что время от времени выглядывали из-за колес.

На самой макушке кургана лежал обточенный ветрами каменный идол с разверстой пастью и выпуклыми слепыми глазами. Кое-кто из молодых поглядывал на него с опаской, но княжий конь неуважительно переступил через божка. Поверженное божество его не беспокоило. Разные народы, разные боги... Но те мертвые, что в земле, всегда под живыми лежат – хоть ставь каменных богов, хоть не ставь. Потому-то варяги своих мертвых огню предают. Чтоб душа не под ногами у живых томилась, а соколом – в Ирий. Так что сколько земли над мертвецом не клади, а коль сейчас на кургане конная дружина русов стоит, так, значит, правит здесь не какой-то облупившийся, триста лет не кормленный божок, а Перун молниерукий. Кто-то против?

Угры были против. Они рассыпались по краям тракта, не зная точной численности киевлян (курган закрывал), а потому не торопясь нападать. Вместо этого угры послали двух всадников – обойти курган и прояснить положение.

Святослав вытянул из чехла загодя снаряженный лук, наложил стрелку, прицелился... Нет, далеко. Шагов триста. Молодые, глядя на князя, тоже опустили луки. Негоже поперед бабки лезть, хоть у «бабки» подбородок пока что гладкий, как у девки.

Святослав поглядел на Духарева. Сергей усмехнулся, потянул из налуча свой лук. Вот поистине бесценная вещь. Второго такого в Киеве нет. Этакое чудо не купишь. Духарев тоже не покупал – Машег подарил. Машегов отец его с мертвого торкского хана снял, а где тот его добыл – и вовсе неведомо. Накладки на луке – из дивной узорчатой стали, «рога» – из кости неведомого зверя. Так упруг, что без тетивы так назад выгибается, что вызолоченные наверху почти касаются друг друга. Богатырский лук, одним словом. Для не крупного хузарина тяжеловат. А его другу-варягу – в самый раз. Согнул его Духарев, набросил петлю тетивы, наложил стрелу, выждал секунду, уравнивая дыхание, сливаясь со степью: с легким ветром, пахучими травами, теплой твердой землей. Раньше он мысленно прикидывал поправку: на ветер, на расстояние, на скак лошади, теперь – нет. Теперь он не рассчитывал – *чувствовал*.

Каменное кольцо на большом пальце зацепило тетиву, грудь развернулась плавно и быстро, руки разошлись могучим усилием, но пальцы придерживали хвостовик стрелы нежно и бережно.

Р-ра-аз! Единый вдох, крохотный миг затаенного дыхания... И звонкий щелчок тетивы о наруч. И пошла-пошла-пошла легкая дальнобойная стрелка, стремительно ввинчиваясь в воздух... Грудь медленно опустилась, выдохом провожая полет...

В двадцатом веке Сергей Духарев, наверное, побил бы все рекорды. Но в двадцатом веке и луков таких нет (тамошние спортивные в сравнении с этим – как фабричная скрипка в срав-

нении с инструментом Гварнери или Страдивари), да и стрелков таких тоже нет. Тут школа пусуровой спортивной: проигравшие не домой отправляются, а сразу на тот свет.

Один из скачущих всадников споткнулся. Вернее, споткнулся и ткнулся грудью в землю конь, а всадник вылетел из седла, покатился по траве, но тут же вскочил и бегом припустил к своим.

Молодые дружинники одобрительно загомонили, но Духарев огорченно прищелкнул языком. Нет, до Машега ему далеко. У Машега бы в траве бился не конь, а всадник.

Второй угр тут же развернулся, догнал пешего, придержал коня, чтобы тот мог взобраться в седло... И вторая Серегина стрела достала его в спину. На излете. Видел бы угр – отбил. Но на спине глаз нет.

Сергей повернулся и подмигнул князю. Святослав засмеялся. Кому взять в битве первую кровь – это серьезно. Это не люди – боги решают. Во всяком случае в степи в это верят все. Молодая дружина: гридни, отроки (для многих это будет первая схватка) глядели на Духарева с обожанием. О воеводе Сереге пели былины. О нем говорили: ведун. Шептались: отец его – сам Олег Вещий. Впрочем, и о княгине Ольге говорили, будто она – Олегова дочь.

– Берем? – спросил Духарев, кивнув на всполошившихся угров.

– Берем! – Святослав улыбнулся счастливо, выдернул из ножен левый меч, подбросил, поймал... – Ру-ушь! – закричал звонко и яростно. – Бе-ей!

И полетел вниз с кургана. И следом за ним, широко рассыпаясь по степи, по Дикому Полю – его лучшая полсотня. А из-за кургана, с обеих сторон, словно крылья – остальная дружина.

Запели-загудели стрелы. Всадники кидали их на скаку вверх, не целясь, по три разом, чтобы упали они за три сотни шагов частым дождем – на головы уграм.

Те тоже не потерялись – через пару секунд угорские стрелы посыпались на русов.

Духареву досталась одна. Он отмахнул ее небрежным движением клинка. Сергей не стрелял. Не потому, что не умел, как эти молодые гридни, метать на с седла на скаку. Сергей спешил за Святославом.

Князь тоже не стрелял. Припав к светлой гриве коня, он мчался туда, где, прикрываясь щитами и выставив копыта, стерегли возы с добычей полсотни деспешных угров.

Слева ударила стрела. Скачущий на Духарева угр метнул с тридцати шагов, но стрела только чиркнула по щиту. Угр раззявил в вопле рот, налетел, замахиваясь... Духарев подставил щит, кольнул из-под края длинным клинком. Десятки битв, сотни мелких стычек – они научили Сергея быть экономным. Короткий, незаметный, совсем неэффективный удар в уязвимое место – и все.

На Святослава наскочили сразу трое: еще бы – он на полсотни шагов опередил свою дружину. Один метнул аркан: увидал небось, что перед ним совсем мальчишка, решил живьем взять. Святослав легко уклонился. Секунда – и кони сшиблись, захрапели. И одним угром стало меньше. Двое других надели на князя. Тот отбросил щит, выдернул из ножен второй меч...

Мимо промчался гридень. Даже не подумал вмешаться, уверенный, что его князь справится. Духарев тоже так думал, но битва – не поединок, потому, проносясь мимо, Сергей походя резнул по шее увлекшегося угра.

– Я сам! – закричал Святослав, но угр уже валился с седла.

Обогнавший Духарева гридень перехватил меч щитной рукой, освобождая правую для сулицы. Привстал на стременах, замахиваясь... И полетел назад, спиной вниз, в мягкую траву. Духарев, проносясь мимо, успел увидеть короткий черен стрелы, вошедшей чуть выше зеркала.

– Я, воевода, я! – раздался совсем близко вопль Святослава.

Князь догнал Духарева в самый последний момент, когда до соединенных щитов пеших угров осталась пара секунд бешеного галопа, а в правой руке Сергея уже был не меч, а сулица.

Банг! Выпущенный из пращи камень ударил Духарева по правому наплечнику. Угорский пращник, прятаясь за спиной бронных, пытался сбить бросок Сергея, но не вышло. Опе-

режая коня на два прыжка, брошенная варяжской рукой сулица навывлет прошибла щит. Державшего щит пешего угра отбросило назад... вместе с соседом, чей щит тоже пробито навывлет сулицей Святослава.

Осаженный Пепел встал как вкопанный, а его хозяин (ноги – из стремян) оттолкнулся от седла, перемахнул через голову коня и приземлился прямо в образовавшуюся брешь. И в то же мгновение в двух шагах от воеводы ударили в землю ноги князя, почти на лету срубившего двух угров.

А вот Духарев потерял целое мгновение, восстанавливая равновесие, и затормозил, только сбив с ног подвернувшегося пращника. Похоже, скоро Сергею придется отказаться от таких прыжков: возраст не тот.

Первого опомнившегося угра Духарев встретил косым ударом сбоку. Тот успел прыгнуть, меч Сергея прошел по шлему вскользь, но зацепился за трубку, в которую был вставлен роскошный султан из белых перьев. Вот она, цена щегольства! Подбородочный ремень лопнул (могло и шею свернуть), и шлем снесло, а под ним обнаружилась совсем юная физиономия мальчишки лет пятнадцати. Духарев его пожалел, не добил. Шлепнул плашмя клинком по макушке – пацан и свалился. В следующую секунду Духареву стало не до гуманизма: на него напали сразу с трех сторон. С четвертой был Святослав, рубивший так быстро, что клинки казались прозрачными, словно стрекозиные крылья. У Духарева не было юношеской стремительности Святослава, зато у него был такой опыт, что позволял заранее предвидеть движения каждого противника и двигаться среди мелькания смертоносной стали, не размышляя, на автомате, как движется человек по дому, в котором прожил десяток лет, ничуть не беспокоясь о том, что может задеть стол или шкаф. Правда, биться в таком темпе он мог бы от силы минут двадцать, но большего не потребовалось. Подоспели остальные дружинники.

Пеших угров смяли в считанные минуты. Если в конном бою они могли вполне успешно противостоять руси, то на полсотни их пехотинцев хватило бы десятка варягов. Или восьми нурманов.

Сотня спешившихся дружинников управлялась играючи: бронную пехоту частью побили, частью повязали. Конные, те, кто уцелел, могли бы уйти, но почему-то не ушли.

Киевляне уже обдирали убитых и инспектировали содержимое возов, а угры (их осталось меньше полусотни) все еще вертелись поодаль, вне досягаемости стрел.

– Чего это они? – спросил Святослав воеводу. – Неужто добычу отбить надеются?

Духарев покачал головой:

– Не понимаю.

Однако очень скоро все выяснилось.

Глава четвертая, в которой решается судьба юного угорского княжича, а молодой князь Святослав вынужден напомнить, кто в Киеве главный

Он был ровесником Святослава, а выглядел даже моложе. У киевского князя – сложение мужа: квадратное лицо, крепко сжатые челюсти и глаза воина. У этого – едва пробившиеся черные усики над пухловатой губой, а на челюсти – подживающий кровоподтек – след лопнувшего подбородочного ремешка. Неслабый был удар – рука у Духарева тяжелая. Юный угр старался глядеть надменно, но Духарев чувствовал его неуверенность, почти страх.

– Отец заплатит за меня любой выкуп! – сказано было по-печенежски.

Святослав и Духарев знали этот язык достаточно, чтобы понять. Ольга – нет. Для нее толмач перевел:

– Угорский княжич Тотош сказал: его отец заплатит, сколько ты скажешь... То есть, сколько велит наш князь! – быстренько поправился он, поймав яростный взгляд Святослава.

Н-да, попал угр как кур в ошип.

– Сколько же мы попросим у Такшоня, сына Левенте, за его сына? – Ольга смотрела не на сына, а на своих вышгородских бояр.

– Что же... – пробасил один из них. – За княжича изрядный выкуп положен. Никак не менее трех сотен гривен, а то и поболее.

– Поболее, поболее! – зарокотали вышгородские, Ольгины «лучшие мужи». – Такшону ромеи дань платят...

– Уже не платят! – чуть резче, чем следовало, произнес Духарев.

Заслужил недовольный взгляд княгини и злобные взгляды ее «свиты». Плевать. Духарев терпеть не мог эту нарождающуюся породу заплывших салом полувельмож-получиновников, присосавшихся к оброкам и податям, выпрашивающих у Ольги земли смердов, чтобы превратить смердов в обельных холопов и насасываться еще больше. А защищать богатства этих паразитов должны мечи княжьей дружины. Поднявшиеся из самых жадных деревенских старост сначала в княжьи люди, потом – в тиуны, посадники, эти паразиты, по мнению Духарева, были хуже нурманов.

Святославу бормотание вышгородских бояр тоже не понравилось. Он симпатизировал угорскому княжичу. Можно сказать, они почти подружились, пока вместе ехали в Киев. Когда княжич дал клятву, что не попытается сбежать, ему развязали руки и позволили править конем самому. На стоянках Тотош ел из общего котла, и обиды ему никто не чинил, равно как и несколькими угорским воям, уцелевшим в стычке и решившим остаться со своим княжичем. Не без серьезной причины, конечно. Вернись они домой без Тотоша, его папаша мог их и укоротить. На длину головы. О князе-воеводе Такшоне говорили как о человеке суровом и даже жестоком. Но сын его был парнишка правильный. Духарев был уверен: окажись Тотош в молодой дружине Святослава и научись баить по-славянски, через год-два его от прочих гридней не отличить. Чернявых среди дружинников хватало, даже и посмуглее угра попадались.

Нет, не нравилось Святославу, что к парню, которого взяли в честном бою, тянутся мягкие, только на то и годные, что гривны считать, ладони вышгородских бояр.

– Уйми своих тиунов, мать! – звонко бросил Святослав. – Это *мой* терем! Здесь решаю я!

– Зря серчаешь, княже! – возразил один из вышгородских, молодой, но уже толстый, как бочка, боярин Шишка. Духарев знал, что Ольга его очень ценит. Настолько, что намерена посадить наместником в Любеч. – Ты молодой ишшо, может, не ведаешь, что такие дела следует миром решать!

– Ах миром...

Святослав наклонился вперед, посмотрел на боярина пристально. Духарев напрягся, готовясь, если что – перехватить. Святослав вполне мог сейчас махнуть через крытый алым княжий стол и превратить одного целого боярина в две боярские полутушки, а это был бы перебор.

До боярина, похоже, доперло, что он сморозил не то. Доперло, что не по его уровню – великого князя поучать: можно и языка лишиться. Вместе с головой. Только что он гордо выступил из рядов своих «коллег», а теперь, наоборот, попятился, попытался потеряться между другими, но группа бояр сама как-то так уплотнилась, что втиснуться обратно Шишка не сумел.

– Ах миром... Чиж! Люб!

– Княже! – встрепенулись оба названных гридня. Молодые, румяные, энергичные. Велит князь-батюшка порвать кого натрое – порвут и добавки попросят.

– Вижу я: перегрелся боярин Шишка в моей горнице, должно, жарко ему в соболях.

Очень точное замечание: все вышгородские мало что в сапогах верховых, с каблуками (хоть сами в основном не в седлах, а в возках с полстями передвигаются), так еще и в шапках высоченных да мехах дорогуших, словно не теплынь на дворе, а лютый мороз. Сплошные понты, одним словом. Рожи у всех распаренные, а у боярина Шишки щеки – красней кумача.

– Возьмите-ка его под локотки да выведите на свежий воздух, да полейте как следует водичкой колодезной!

Дружинники сорвались с места, ухватили боярина. Тот попытался рыпнуться, но куда там! Гридней спецом обучают, как с полоняниками управляться. Так что Шишка и вякнуть не успел, как его уже поволокли. За шкурку, как мешок, из горницы, вниз по ступенькам (ничё, в мехах не зашибется), наружу во двор...

– Прости, матушка, чуть не осерчал... – усмехнулся Святослав. Покосился на Духарева: видел ли воевода, как он гнев унял? – Должно, очень полезный *холоп* твой Шишка, коли ты ему по сей день язык не вырвала.

– Да, полезный, – сухо ответила княгиня.

Духарев видел, как борются в ней гордость государыни и гордость матери.

– А выкуп с княжича угорского пусть мой воевода Серегей возьмет, – просто сказал Святослав. – Это ведь он княжича в полон взял.

– У нас не земли франков, где рыцари своеволят, – недовольно проговорила Ольга. – Твоя дружина, твой воевода, и пленник тоже твой, князь!

– Верно говоришь, мать! – весело отозвался Святослав. – Вот я и решил: пусть моему пленнику выкуп мой воевода назначит. То мои *дружинные* дела. А бояре твои пускай со смердов выкупу берут. А будут плохо брать, так ты скажи, я с них сам спрошу!

Снаружи раздался истошный вопль Шишки. Отношение боярина к водным процедурам оказалось резко негативным.

На Горé тесно. Тут стоят дома бояр, мужей из старшей дружины, купцов именитых и всех, кому чин и достаток позволяют жить за внутренней стеной, обегаящей самый важный из холмов стольного града Киева. Строения теснятся, подворья налезают друг на друга, надстраиваются, выпирают на улицы. По иным улицам и двум всадникам в ряд не проехать. Тут уж не многочисленными родами живут, как издревле установлено, а хозяйствами: хозяин, родные его, челядь...

Тесно на Горе. Даже у князя в Детинце – и то тесно. Год от года множатся сараи да клетки, вылезают на мощный двор.

«Еще лет пять – и уж детских негде тренировать будет», – подумал Духарев, выходя на высокое крыльцо следом за напыщенными боярами княгини.

Вышел-то воевода следом, а коня княжьи отроки ему первому подвели. Подставили ладони, но Сергей взлетел в седло сам, не коснувшись высоко, по-степному, подтянутого стремени. И не медля послал коня к воротам. Те из младшей дружины, кому сегодня положено сопровождать воеводу, догонят, не замешкаются.

Так и вышло. Едва выехал Сергей за ворота, как двое верховых тут же обошли его и порысили вниз, опережая на десяток шагов. Двое спереди, двое сзади. Не для охраны. Это, вон, Свенельду-князю от татей да кровников беречься приходится, а воеводу Серегея его слава охраняет. На него даже нурман-берсерк не рискнет напасть: всем ведомо, что берсерков да ульфхеднаров⁴ гигант-воевода одним ударом кулака в Валхаллу катапультирует. А еще (то в Киеве тоже всем ведомо) на подворье у воеводы два страшных ведуна живут: варяг да парс. Варяг, говорят, каждое утро глаза живой кровью умывает, а парс еще страшнее – огнем. Так что отроки при воеводе – для почета. И чтоб всякие-якие у воеводина коня под ногами не путались. Чтоб встречные-поперечные загодя вжимались в тыны и заборы, снизу взирая на всадника в алом, отороченном лучшими соболями плаще, но с непокрытой, в отличие от многих важных бояр, светловолосой головой.

Убিরались и вжимались, куда денешься. Но не злобились. В Киеве, что на Горе, что в Подоле, Духарева любили. Во-первых, известно было, что воевода Серегей никому зазря худого не сделает, нурманам всяким укорот даст; во-вторых, жена у него хоть и болгарка-христианка, зато лекарка. Пусть строга, а не жадна: многим в беде помогла. Но самое главное, воевода Серегей – герой. А героев в Киеве любили.

А у самого славного воеводы мысли были не очень приятные. После сегодняшнего инцидента княгиня на него явно обижена. А князь... Князь и впрямь еще слишком молод. Вот остались они сейчас с матерью вдвоем и до чего договорятся – неизвестно. Княгиня – та еще лиса. Мужем своим вертела, как хотела, хоть тот был намного старше и по жизни весьма искушен. А князь-воевода Свенельд хоть и самостоятелен без меры, а, считай, уже лет десять как ни одного важного решения не примет, с княгиней не посоветовавшись. А земли свои приращивает да обустривает по Ольгиному образцу. Если смотреть правде в глаза: Киевом и землями его обширными правила и правит княгиня. К ней сходятся все нити управления. К ней свозят оброки. На обустроенных ею поземельно погостах⁵ сидят ее тиуны да посадники. А для великого князя те же посадники, чтоб не скучал, ловища устраивают. Ведомо, что любит Святослав охотиться куда более, чем суд-расправу чинить, а уж тем более разбирать, кто сколько в княжью казну недодал и почему. Вот голову смахнуть неплательщику он может, это да. А что работник без головы – это уже не доход, а расход, князю понять трудно: молод он да горяч. Духарев и сам видел, что землеправитель из Святослава пока не очень. И склонности к этому делу у князя не было никакой. На уме одни битвы да ловитвы...

Духареву вспомнилось, как они прошлым летом поохотились в Тмутаракани. Славно поохотились, еще самую малость – и пришлось бы Киеву искать другого князя...

⁴ Берсерк – оборотень-медведь, ульфхеднар – оборотень-волк. Так, по крайней мере, можно предположить, исходя из литературных источников.

⁵ Здесь под погостом понимается не кладбище (как в наше время), а место, куда свозят дань.

Глава пятая

Княжья охота на касожской границе

Туша дикой свиньи лежала поперек тропы. Едва всадники выехали на полянку, кто-то мелкий проворно сиганул в кусты.

– Вот она! – удовлетворенно сказал Понятко и спрыгнул на землю.

Святослав тоже спешил. И кое-кто из дружинников. Духарев остался в седле.

Свиная туша была относительно свежая, но все равно выглядела малоаппетитно. Внутренности из брюха выедены, в траве – ошметки кишок. Надо всем этим натюрмортом висела туча мух. В звериных следах Сергей так и не научился толком разбираться. В охотничьих забавах ему нравилась финальная часть: завалить зверя. В принципе, не важно какого, но чтобы побыстрее, без многочасового преследования по топам или буеракам.

А вот для киевского князя ловитвы – любимое хобби. Едва прослышит, что где-то появился особо крупный медведь или исключительно свирепый тур – стрелой летит. Быстрее, чем на врага. Об этом пристрастии князя знали. Так что куда бы ни приехал на полюдь великий князь киевский, ему непременно предлагали что-нибудь этакое. Вот и здесь, на границе Тмутаракани и касожских земель, – тоже.

«Рискованное мероприятие», – думал Духарев.

Не об охоте, разумеется. Он полагал, что пара гридней способна завалить любого зверя: хоть мишку, хоть тура, хоть вепря. А вот неполной дюжиной лезть на касожскую территорию – чистая авантюра. Думать-то думал, но протестовать не пытался. Святослав все равно поедет, и воевода, естественно, тоже.

Единственное, что он мог сделать, – предупредить сотников, чтобы, едва князь отъедет на десяток стрелищ, держали воев наготове, слушали рог. Охотничьи сигналы можно игнорировать, а вот если раздастся «К бою!» – спешить на зов, не жалея коней.

Вскоре после рассвета прискакал тмутараканский следопыт. Переговорил с Поняткой – тот кинулся к князю, и буквально тотчас поступила команда: «Выезжаем».

На ловитвы должны были отправиться князь и его ближние: Духарев, Понятко, Икмор и семь воинов по духаревскому выбору: пятеро гридней, известных своей самоотверженностью, и двое хузар – отменных стрелков. К этим семерым присоединились двое местных варягов, следопыт и псарь. Вполне приличная ватажка. Если касоги наскочат, есть шанс продержаться, пока подоспеет подмога. Но пока врагов, если не считать мириад назойливых мух, не наблюдалось.

Князь обнаружил что-то в траве.

– Сотник, поди сюда! – позвал он.

Они с Поняткой наклонились, изучая находку. К ним присоединился следопыт. Все трое необычайно оживились. Духарев подъехал ближе... Тьфу, пакость! Большая куча дерьма.

– Матерый! – уверенно заявил один из варягов. – Эк сколько высрал!

– Ясно, матерый, коли он вторую в зубах унес! – отмахнулся князь. – Кучу он недавно навалил, свежая! Эй ты, собак давай!

Подвели двух псов. Псы энтузиазма хозяев не разделили. Даже к дохлой свинье отнеслись без обычного восторга. Единственным желанием ушастых следопытов было как можно быстрее покинуть полянку, причем в направлении, противоположном тому, которое привело бы к матерому автору кучи.

– Ледащие! – презрительно бросил Святослав. – Мои лайки вдвоем мишку берут.

– Так то мишка! – вступился за собак псарь. – А то зверь лютый. Погоди, княже, я их подниму!

С собаками была проведена «разъяснительная работа», и они крайне неохотно, но все-таки взяли след.

Духарев на охотничьи забавы внимания не обращал. Его беспокоили касоги.

Когда-то касоги ходили под хузарами, но в последние лет двадцать совершенно отбились от рук. Так Машег говорил. У Тмутаракани с касогами тоже были проблемы. Нет, не проблемы, а так, проблемки. Мелкие пограничные стычки: то отару угонят, то хутор пожгут. Наезды были обоюдные, но до настоящей драки дело не доходило. Посадник тмутараканский, еще при Игоре поставленный на место погибшего в кавказском походе старшего сына, был политик изрядный, со всеми старался ладить.

Мысли о касогах плавно перетекли в размышления о ситуации в Тмутаракани и ее окрестностях.

Тмутаракань – место богатейшее, вдобавок стратегически важное. Контроль над Боспором, выход в Черное море, ценный военный плацдарм и постоянная угроза византийским владениям в Крыму. По договору с Игорем, правда, Киев обязался эти владения не трогать, но Царьград тоже много чего обещал...

Впрочем, ромеи были тихими соседями, в отличие от печенегов, давивших со стороны степи, и касогов, подпиравших со стороны гор. Нынешний визит Святослава в Тмутаракань имел тайную цель: проверить, нельзя ли касогов взять под себя? Вчера Духарев и Святослав весь день обсуждали эту тему с наместником. Наместник связываться с касогами не рекомендовал: овчинка выделки не стоит. На горцах много не возьмешь, а вот их самих брать непросто. Правда, у Киева был отменный специалист по «выделке» – воевода Свенельд. Этот даже с лесной свиньи умел два слоя щетины остричь. А насчет «брать непросто», так на то и дружина. Однако хорошую дружину надо хорошо кормить...

Духарев встрепнулся: один из хузар щелкнул языком, показал плетью. Не вперед, на поросший редким лесом склон, а правее, на заросший кустарником овражек.

– Что? – спросил Духарев.

– Птицы.

Сергей прищурился. Точно, встревожились пернатые. Засада?

Святослав, Понятко, местные варяги и, разумеется, псарь со следопытом обогнали Духарева и гридней шагов на пятьдесят и двигались аккуратно к подозрительному овражку. Надо полагать, именно туда вел след зверя. Но вполне могло оказаться, что следом воспользовались касоги, чтобы устроить засаду. Духарев был уверен, что у них в городке имеются информаторы. Если и псарь – их человек... Нет, это уже паранойя.

– Брони надеть, – негромко скомандовал он, одновременно сам вытаскивая из седельной сумки панцирь.

Облачившись, Сергей пустил коня вскачь, догоняя. Догоняя, но не обгоняя. Если в кустах и впрямь засел хищник, задравший свинку, то у князя на зубастого приоритет. Отчасти поэтому Духарев и не любил охотиться с теми, кто повыше его за столом сидит. Самое интересное им и достанется.

Между тем охотники остановились и спешили, не доехав до лощинки шагов триста. Изучали следы крови на траве и какие-то мелкие ошметки, густо облепленные насекомыми.

– Заморился, – сказал следопыт. – Отдыхал.

– На-конь! – коротко скомандовал Святослав, и охотники двинулись дальше.

Остановились у «входа» в овражек, густо заросший кустарником. Ветки его кое-где были заломаны.

– Собак держи! – скомандовал князь, спешиваясь.

«Все-таки зверь, – с облегчением подумал Духарев. – Будь здесь касожская засада – уже ударили бы».

Следопыт достал из сумки прихваченные именно на этот случай камни и принялся кидать их в овражек. Никакой реакции.

– Может, попить ушел? – предположил Понятко. – После жрачки он пить много любит.

– Не ушел, – напряженным голосом ответил следопыт. – Он не зря сюда свинью приволок: тут родник, я это место знаю. Может, собак пустить?

– Не пойдут! – сказал псарь. – Лучше стрельнуть разок-другой. Слышь, хузар, стрельни!

– Я стрельну, – согласился хузарин. – Но стрелу ты сам будешь искать. А не найдешь, я из твоей пустой головы чашку сделаю – собак твоих поить.

Псарь опасливо отодвинулся и больше никаких предложений не делал.

– Я пойду! – решительно заявил Святослав, вытаскивая меч.

– Бронь вздень, княже! – сказал Духарев.

Убедившись, что в кустах нет засады, Сергей наконец заинтересовался, что за зверя они преследуют. Можно было спросить, но не хотелось ронять авторитет. Итак, лютый зверь. Крупный хищник, способный унести в зубах свинью. Но не медведь.

Святослав мотнул было головой, но потом оглянулся, увидел, что его гридни – в доспехах, воевода – тоже бронный, и нехотя потянулся за панцирем. В шестнадцать лет очень не хочется показаться трусом, но наставники постоянно твердили юному князю: есть отвага, а есть неосторожность, бравада, которая для воина, особенно же для вождя – большой недостаток.

Один из спешившихся гридней помог князю закрепить доспех и вознамерился первым войти в заросли.

– Я сам! – воскликнул князь и, оттолкнув гридня, бросился вперед...

Зверь атаковал молча и стремительно. Кони прыгнули назад, псы с визгом отскочили, оба хузарина разрядили луки, но из-за шарахнувшихся коней стрелы ушли впустую. Святослава отшвырнуло назад, на гридня (счастье, что он не напоролся на его меч), а в следующий миг и сам гридень покатился по траве, как поддетый ногой мешок с шерстью.

Духарев упустил первые мгновения, пытаясь сладить с конем, поэтому он увидел только результат: двух сбитых с ног воинов и вопящего следопыта, на плече которого сомкнулись страшные клыки.

Один из варягов прыгнул с седла на спину зверю, но тот, опустив следопыта, извернулся, взмахом лапы вышиб пику из рук варяга, а его самого поймал на лету, как кошка – птицу, опрокинул, подмял...

Воздух вибрировал и рвался от низкого рева, вызывавшего предательскую слабость...

Стрела чиркнула по грязно-желтому меху. Другая воткнулась в землю: громадный зверь увернулся не хуже опытного воина. Вернее, намного лучше. Быстрее. Прыжок – клыки вонзились в ногу хузарина, а когти – в круп обезумевшего коня. Лошадь и всадник опрокинулись на землю, и тут леопарду не повезло: подвернулся под удар копыта. Второй хузарин исхитрился: вогнал стрелу в сбитого с ног хищника. Леопард взревел так, что, казалось, вздрогнула сама земля. Его бросок был молниеносен, но конь хузарина уже сорвался и понесся прочь.

Промахнувшийся зверь крутнулся на месте и увидел целую кучу врагов: четверых гридней-варягов, спешившихся, со щитами, прикрывающих обеспамятевшего князя; Икмора, держащего рогатину с длинным широким железком; Духарева, тоже спешившегося, подхватившего чье-то копьё...

– Ко мне, зверь! – закричал Икмор и метнул нож.

Леопарда нож не остановил. Икмор принял зверя на рогатину, но неудачно. Острие лишь скользнуло по пятнистой груди, ясеневое древко вывернулось из рук Икмора, сам он отпрыгнул, но споткнулся... Леопард не успел его подмять. Когда он, грязно-желтая размазанная тень, пронесся мимо Духарева, Сергей нанес удар. Целил он, правда, в шею, а попал в бок, ближе к крестцу, зато всадил качественно, от души: копьё пробило броню мышц и ладони на две погрузилось в леопардово нутро. Человек после такой раны напрочь терял способность к напа-

дению и обороне, а леопард вроде бы даже не понял, что ранен: тотчас кинулся на нового врага. Впрочем, проделанная в организме дыра малость поубавила зверю прыти, и этой малости хватило, чтобы Духарев успел выхватить меч и встретить зверя хлестом клинка... Двухногий от такого удара сразу стал бы одноногим, но хищнику меч даже кость не просек. Впрочем, пластины Серегинного панциря тоже выдержали удар когтей. Примерно как бронжилет выдерживает попадание пули: дырки нет, но ребра трещат, воздух из груди – долой, а в глазах черно. Сбитый с ног, он каким-то чудом ухитрился увернуться от клыков – только вонюю обдало...

...И тут охота закончилась. Выждавший момент Понятко вбил граненую (против панциря) стрелу точно в затылок зверя.

Духарев поднялся и посмотрел на «лютого зверя». Тело леопарда еще содрогалось, но он был уже мертв. Бронебойная стрела насквозь прошла его мозг.

Следующий взгляд – туда, где лежал Святослав. Нет, уже не лежал, вставал... Сам, без помощи гридней.

– Цел, княже?

– Цел! Эх, каков пардус! Лют!

– Был, – уточнил Духарев.

Пардусами называли живших в Киеве охотничьих гепардов: потомков котят, подаренных великим печенежским ханом великому князю Олегу после совместного похода на ромеев. Но это был пардус совсем другого сорта. Леопард. Здоровенный, размером со снежного барса⁶, которых Духарев не единожды видел в зоопарке в *той* жизни. Сейчас, когда все закончилось, Сергей ощущал отвратительную слабость. Он очень ясно представлял, что мог бы умирать, истекая кровью, как тот варяг, что храбро прыгнул на зверя с седла. Как хузарин, которому леопард в клочья располосовал бедро. Или как несчастный следопыт... Впрочем, этот уже отмутился.

Святославу повезло: пардус просто сшиб его с ног. Предусмотрительно надетый панцирь защитил его от когтей, так же как через несколько мгновений уберег Духарева. Сергей не раз брал медведя и знал, с какой быстротой может двигаться зверь. Но в сравнении с этим хищником мишка казался сущим увальнем.

– Оставьте, – сказал Понятко гридням, возившимся с извлеченным из-под коня хузарином. – Не жилец.

С подобными ранами здесь боролись одним способом: отсекая порванную конечность и прижигая культю. Но здесь пришлось бы рубить ногу под самый пах. Бессмысленно. Несчастный уже потерял слишком много крови, продолжавшей вытекать из порванной артерии. Не жилец. Еще несколько минут, и он уйдет в свой иудейский Ирий. Надо будет проследить, чтобы его похоронили по хузарскому обычаю: зарыли в землю, а не сожгли. Впрочем, уцелевший

⁶ Не нужно считать этого зверя праздным вымыслом автора. Через полтора века после описываемых в романе событий черниговский князь Владимир Мономах напишет в своем «Поучении»: «... конь диких своима руками связаль есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по ровни езда ималь есмь своима руками те же кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конемь, олень мя одинь боль, а 2 лоси, одинь ногами топталъ, а другый рогама боль. Вепрь ми на бедре мечь отгяль, медведь ми у олена подьклада укусилъ, лютый зверь скочилъ ко мне на бедра и конь со мною поверже...» (...своими руками связал в пущах 10 и 20 живых коней, и в степи езда тоже руками ловил диких коней. Тур дважды валил вместе с конем, олень меня бодал, лоси – один меня топтал, а другой рогами бил, вепрь сорвал мне меч с бедра, медведь укусил меня за колено, лютый зверь вскочил мне на бедро и повалил вместе с конем...). Иные историки переводят лютого зверя как «рысь», но даже если отбросить тот факт, что рысь крайне редко нападает на человека, и ничуть не умаляя «боевых» достоинств этого хищника, нельзя отрицать тот очевидный, в прямом смысле этого слова, факт, что рысь – довольно-таки небольшой зверь. Завалить таким зверем наездника и коня, причем коня отлично обученного (иного у князя быть не могло) и наездника весьма искусного и опытного, теоретически возможно разве что задулив бедным животным в князя из катапульты. Учитывая, что сам Мономах пишет о том, что зверь прыгнул на него самостоятельно, рысь, даже сиганувшая с приличной высоты (хотя за этими животными суицидальных наклонностей пока не замечено), должна была весить под сотню килограммов, что попросту невозможно. Другое дело – леопард. Тем более что слово «пардус» упоминается в исторических документах неоднократно, правда, историкам так и не удалось установить толком, какой конкретно хищник подразумевается под этим словом: гепард, леопард, барс или даже лев. Впрочем, я не исключаю, что под лютым зверем Мономах мог подразумевать и тигра.

соплеменник об этом наверняка позаботится. Вот он, уже возвращается: сумел, как и следовало ожидать, управиться с понесшей лошадей. И псарь вернулся с позорно струсившими собаками. Но кто знает: может, и новгородские лайки Духарева тоже поджали бы хвосты.

– Так это ж matka! – внезапно раздался Поняткин возглас, изувачшего свою добычу.

Свою, поскольку это его стрела убила пардуса, так что вряд ли кто-то станет оспаривать право Понятки на пятнистую шкуру и клыкастую голову. Во всяком случае не Духарев, которому выстрел гридня спас жизнь.

Святослав оживился:

– Matka? Ну-ка... О! Сосцы полные! Значит, и котята где-то тут! Эй, ты! – кликнул он псаря, мгновенно забыв и о погибших, и о том, что сам едва не отправился в Ирий. – Давай сюда своих пустолаек!

– Ить порвут собачек! – забеспокоился псарь.

– Молочные? – фыркнул Святослав. – Ну-ка...

И ухватив за ошейник ту псину, что оказалась поближе, поволок ее в заросли.

Духареву оставалось только надеяться, что там не окажется еще одной взрослой зверюги.

Кустарник прочесывали часа полтора. Нашли троих котят, размером чуть побольше кошки. Всех троих посадили в кожаные седельные мешки к большому неудовольствию лошадей и псаря, который считал, что котят следует прикончить немедленно.

– Вот подрастут, они вам головы и скусят, – сулил он вполголоса.

Но Святослав к доводам разума был глух. Ему уже представлялись громадные пятнистые кошки, полюющие туров, как гепарды – проворных тарпанов.

Духарев тем временем помогал вычистить на лошадей тех, кто уже никогда не будет охотиться.

В этой ловитве они потеряли двоих опытных гридней, одного тмутараканского варяга и следопыта, которого, впрочем, можно было не считать. Работа у него такая. Поохотились, однако! Если на них сейчас наедут касоги, совсем худо будет. А Святослав – счастлив. Ему только что чуть голову не откусили, на шлеме вмятины от клыков, наланитник погнут, щека в запекшейся крови, а физиономия сияет:

– Эх, воевода, так бы и в сече! Вот как я хочу воевать! Как этот пардус!

Духарев вздохнул: мечтатель! В реальной битве такого зверя мигом бы стрелами утыкали или на копьа вздели.

Но князь имел в виду совсем другое:

– Упасть на ворогов, как этот пардус! Чтобы ведали враги, что я рядом, а я все одно налетал *вдруг*, внезапно и сокрушительно!

Он был еще совсем мальчишка, великий князь Святослав Игоревич. Вместо варяжских усов – белесый пушок на верхней губе. Но уже чувствовался в нем не просто воин – полководец!

С той охоты миновал год. Котята выжили, подросли, и уже стало ясно: приручить их можно, но для княжьей охоты они не годятся.

– Машег рассказывал: у него такой котя в детстве был, – сообщил Духареву Понятко. – Тоже ничего путного не вышло. Как подрос – челядника порвал. Машегов батька его купцам арренским продал. Для падишахова зверинца.

Нынче Понятко с сотней по приказу Свенельда ушел замирать каких-то тиверичей. Духареву его не хватало. Разъехались друзья-побратимы: Устах – в Полоцке у князя Роговолта воевоствует, Машег в своей Хузарии феодалит, Мыш на восток уплыл... А Духарев все так же при князе: воевода-наставник. Правда, еще у него дом есть. И семья: детишки, Слада, дед Рёрех (тоже, считай, член семьи) и умница Артак, звездочет-парс... И еще слуги, челядники,

закупы... Полон двор народа, управляться с которым – не легче, чем с княжьей дружиной (слава Богу, у него есть Слада, которая держит под контролем всю эту ораву); и еще чертова прорва каких-то деревенок, хуторов, городищ: купленных, дареных, полученных как воинская доля...

За эти годы Духарев оброс имуществом, как баран – шерстью. Но заботиться о собственности ему почти не приходилось. Недвижимостью управляла жена, деньги крутил Мыш-Мышата, давно превзошедший оборотистостью, предприимчивостью, капиталом своего наставника Горазда.

В целом расклад Духарева вполне устраивал. Главное, чтобы у него была возможность получать то, что ему требуется. Нужны новые доспехи? Нет проблем: иди на рынок и покупай, какие приглянулись. Нет на рынке – закажи *своему* холопу-кузнецу. А если приспичило обзавестись чем-то особенным, выдай заказ Мышу – и через пару-тройку месяцев получишь бронь хоть от самих синдских мастеров. Нужны кони? У воеводы Серегея одних только отборных, на зерне выкормленных – табун в тысячу голов. А захочется, к примеру, не на коне, а на верблюде проехаться, так будет и верблюдов. Стало Духареву тесно в своем подворье на Горе – взял два соседних. Тут, правда, одних денег мало оказалось, пришлось на соседей авторитетом воеводы слегка надавить. Зато теперь у Духарева хоромы лишь немногим Свенельдовым уступают. Другое дело, что власть имущим такое усиление воеводы очень не нравилось. А после сегодняшней истории с угорским княжичем Ольга небось на Духарева изрядно осерчала. И зачем ему этот княжич? А в самом деле – зачем?

Так, за воспоминаниями-размышлениями Духарев и приехал к своим воротам.

Его уже встречали. Один холоп-привратник с поклонами отворял тяжелую, с бронзовыми нашлапками створку, другой тащил с дороги хозяина ручного мишку, которого Духарев завел вместо пса. Мишка хозяина, конечно, не тронул бы, но кони нервничали.

А с крыльца уже катился кубарем пятилетний Всеслав, Славик, младшенький.

– Батька-а! А кто к нам приеха-ал!

– А кто?

Духарев глянул – и дурные думы тотчас развеяла нечаянная радость. Машег!

Глава шестая

Старый друг

Машег – из «белых» хузар. Воин в...надцатом поколении. Лет триста назад его семье принадлежали тысячи гектаров степи, бесчисленные табуны, заливные луга и пахотные земли в низовьях Волги, виноградники на берегах Терека... Но это было давно. Теперь почти все в Хузарии принадлежало торгашам: иудеям из Византии, мусульманам из арабской Испании...

А великий хакан хузарский Йосып предпочитал оборонять свои владения саблями исламских наемников и стрелами диких гузов. Вот и дооборонялся: от прежней славы Хузарии остался шиш, а потомок великого рода Машег вынужден служить варягу Свенельду.

Машегу повезло. Он добыл достаточно, чтобы выкупить у ростовщиков последние родовые земли на Волге-Итиле. На виноградники и на табуны с табунщиками тоже хватило.

И здесь, под Киевом, у Машега имелось кое-какое имущество. Свенельд подарил. Машег, впрочем, в долгу не остался. Не принято у него в роду в должниках ходить. Хоть у князя, хоть у хакана.

Благородный хузарин приехал не один. Привел целую дружину из родичей: пятьдесят сабель. Но в город их не повел. Тем более – на Гору. Машег, хузарин-варяг, бывший дружинник Свенельда, многим воям киевским хорошо знаком. Его-то пропустили беспрепятственно, но полусотне хузар на Горе делать нечего. Так что воинство Машегово устроилось в пригороде: поставили юрты на днепровском берегу повыше Подола, а Машег двинул к Сергею на подворье, прихватив с собой четвертую свою жену, «походную» и самую любимую – Элду.

Папаша Элды, Элвинд Белоголовый, вполне добропорядочный нурманский головорез, хирдман не из последних, вопреки всем правилам хорошего тона обучил дочку военному делу. За неимением сыновей.

Машегу воинственная Элда досталась после гибели ее мужа, воина-нурмана, с коим не очень-то ладила.

Но с хузарином Машегом она жила душа в душу. Научилась неделями не слезать с коня, бить из лука на две сотни шагов (совсем неплохо для женщины), а вот внешне, на взгляд Духарева, заметно подурнела: тело ее утратило приятную женскую округлость (хоть и родила она мужу двух сыновей), кожа потемнела и огрубела под ветрами и солнцем Дикого Поля.

Но Машег всего этого не замечал. Любил потому что.

Машег приехал к Духареву не просто погостить. Когда друзья утолили голод разнообразной снедью и осушили бурдючок привезенного хузарином замечательного вина, Духарев уже понял, что у друга случилось что-то нехорошее.

– Давай-ка, брат, выкладывай! – потребовал он.

– Да-а-а...

– Тайное что? Сладушка, гони всех из горницы...

– Не надо! – остановил Сладу Машег. – Ничего тайного. В дружину к себе возьмешь меня, воевода?

– Не понял?

– Что ж тут непонятного? – удивился хузарин. – Хочу к тебе в дружину. Не один, с родичами моими. Вой знатные, за каждого поручиться могу. Возьмешь, воевода?

– Хочешь Святославу послужить? – обрадовался Духарев. – Добро! Это дело хорошее.

– Святославу присягать не буду! – отрезал Машег. – Только тебе!

– Мне? – изумился Духарев. – Как это мне? У меня своей дружины нет!

Теперь изумился Машег.

– Как это нет? Что за воевода без дружины?

– Я – княжий воевода, – пояснил Духарев. – И гридни у меня – княжьи. Зачем мне свои?

– Вот те раз! А как же ты порядок на своих землях поддерживаешь?

Сергей посмотрел на Сладу. Действительно, как?

Сладислава улыбнулась.

– Мы по Правде живем, – сказала она. – Серегей, бывает, судит, но редко. Нашим смердам и холопам Правды и Обычая довольно.

– А ежели кто ослушается?

– Накажем, – спокойно ответила Слада. – Я велю – община своих сама накажет. А чужие у нас не балуют. Бывает, с Поля набегут, но это уж – княжье дело.

– Вот! – усмехнулся Духарев. – Нет у меня никакой дружины. И не надо. Я – княжий воевода!

– Свенельд – тоже княжий! – возразил хузарин. – А дружина у него своя.

– Свенельд – сам князь, – напомнил Духарев. – А я – боярин-воевода.

Машег поднял выгоревшую бровь, посеченную надвое полоской шрама. Раньше, насколько помнил Духарев, этого шрама не было.

– Скарпи Атлисон, которого ты зарубил восемь лет назад, тоже был боярин-воевода, однако ж дружину свою имел... Может, тебе денег жалко? – предположил Машег. – Так я тебе дам!

– Богатенький Буратино... – пробормотал Духарев.

Машег не понял.

– Есть у меня деньги, – сказал Сергей. – Сам знаешь...

И тут вспомнились сегодняшние слова княгини Ольги: «Твоя дружина, твой воевода, и пленник тоже твой...»

Может, и прав Машег. Есть у Духарева земли: и здесь, под Киевом, и в Полоцке, и уличей две деревеньки оброком ему кланяются. Могло и больше быть, да только ни к чему. Оборотистый Мыш-Мышата, шурин-побратим, на духаревском капитале за день больше наварит, чем уличи Сергею за год наберут.

Элда Элвиндовна поднялась со скамьи, обошла длинный стол.

Была она в женском платье, надетом, скорее всего, из уважения к хозяйке. В этом наряде она чувствовала себя неловко, видно было: мужское ей привычнее. Духареву вдруг стало любопытно, как она смотрится в хузарском домашнем: ничего, кроме полупрозрачного шелка и украшений. Украшений на ней, впрочем, и сейчас было довольно.

– Возьми нас, Серегей!

Элда встала рядом, положила на Серегино плечо жесткую неженскую ладонь. На запястье – золотой браслетик с птичками. Знакомый браслетик... Духарев поднатужился, вспомнил: древлянский. Старейшины древлянские одарили им воеводу Свенельда за ласковые речи, коими он их к Ольге на подворье заманил. Где их и закопали. В землю. Живьем. Подарок богатый, но по местным меркам – порченный. Свенельд отдал браслетик Духареву: для Слады. Теперь вот Сладислава передарила его Элде. Духареву напоминание: не нравится его жене Элда-нурманка. Не забыла Сладушка, что муж покойный сию валькирию не Машегу завещал, а Сергею.

Духарев поймал взгляд жены... весьма неодобрительный. Конечно, госте она и слова не скажет...

– Посмотрим, – уклончиво ответил Духарев, выразив интонацией некоторое неодобрение. – Как твои сыновья, Машег?

Валькирия-Элда поняла. Убрала руку, вернулась на место, демонстративно прижалась к мужу: мол, никаких интимных претензий к хозяину дома, чисто по-дружески.

Машег улыбнулся. Красив благородный хузарин: тонкие черты лица, глаза синие, волосы светло-русые падают на широкие плечи из-под маленькой круглой шапочки, длинные «варяжские» усы – потемнее, с рыжиной. Лицо загорелое, но подбородок и щеки – бледней. Видно,

совсем недавно сбрил бороду. Росту Машег небольшого: вровень с Элдой, но не в росте дело. Может, и есть в Дикой Степи воин лучше него, да пока что они с Машегом не встретились. Так он сам говорит.

– Дети растут, – хузарин погладил жену по щеке. – Я их в Тмутаракани поселил.

– Где-где? – изумился Духарев.

– В Тмутаракани. Мне Свенельд землю подарил за Любечем, а я ее на тмутараканскую сменял.

– Все равно не понял. А твои приволжские поместья, родовые, чем плохи?

– Тем плохи, что с хаканом у меня размолвка вышла, – сообщил Машег. – Нет у меня более родовой земли. Только дареная осталась и купленная.

– Как это – размолвка?

– А так. Не полюбился я итильским торгашам. Настолько не полюбился, что приехал за мной от хакана хранитель закона, правоверный талдаш Шлом, сын Йогаана, с полусотней наемных воинов Магомета. Земли мои себе взять, а меня – в столицу. На расправу.

– И что? – спросил Духарев.

– Пропали земли мои, – вздохнул Машег. – Зато теперь у хакана – другой талдаш...

Глава седьмая, в которой повествуется о доброте и справедливости хузарского хакана

Были у Машега обширные поместья, были сады с прохладными водоемами под сенью цветущих деревьев. Было у него все, чем хвастают итильские богатеи и семендерские вельможи. Был и дом в столице, каменный дом с тенистым двором и прозрачной водой, бегущей между камешками.

Там Машег и жил, когда призвал его хакан. Должно быть, донесли Йосыпу, что разбогател Машег бар Маттах, и захотел повелитель Хузарии взглянуть, каким стал сын Маттаха. Понравится – возвысит. Поставит, к примеру, хузарской лучшей конницей командовать. А то, смешно сказать, начальником конницы у хакана – «византиец», который с пятидесяти шагов в дохлую собаку не попадет.

Но посмотрел на Машега хакан и не дал ему начальства над конницей.

– Уезжай, Машег, – посоветовал другу Рагух, тоже «белый» хузарин, но из менее знатного рода, чьих представителей не было в «черном списке» хакана. – Уезжай, пока худого не случилось.

Рагух служил сотником в итильской конной страже. Его новая жена была «византийкой», ее родня поддерживала зятя, и Рагуха ждала неплохая карьера. Хотя временами возникало у Рагуха сильное желание опробовать на новых родичах остроту сабли. Об этом Рагух тоже поведал другу. Машег его понимал. Но каждый сам выбирает судьбу.

А Машегу в столице делать нечего. Его род – от персидских иудеев, а в Итиле заправляют «византийцы». Великий хакан хочет жить, как византийский кесарь. А были времена, когда хакана выбирали такие, как Машег. И великий хакан об этом помнит. Потому и окружил себя воинами-магометанами.

Машег тоже не забыл, как дед нынешнего хакана отнял у деда Машега земли за «Саманными воротами»⁷ и отдал своему любимчику, византийскому торгашу. Родовая память – долгая.

В общем, испросил Машег у хакана разрешения покинуть столицу, и хакан позволил.

Уезжал из Итиля Машег с радостью. Душно ему было в пропахшем нечистотами городе, тесно на узеньких улочках, где между глиняными заборами не разъехаться двум повозкам.

В «царском городе», возведенном на острове и окруженном стенами повыше городских, нечистотами не воняло. Там журчали фонтаны и стояли настоящие дома, а не глиняные халупы. Не просто дома – дворцы. А краше и выше всех – дворец самого хакана. Хотя нет, не всех. Минареты мечети – выше.

Хорошо пахнет на острове: цветами и молодым вином. А все равно душно. И душнее всего во дворце, где за каждым словом – намек, а слава измеряется в деньгах и близости к уху святейшего хакана.

Машег тоже мог нашептывать в это ухо, и денег у него было теперь не меньше, чем у «византийцев». Мог, но брезговал. И не хотел, чтобы его дети воспитывались среди полуевнухов.

Уехал. И забыл о своем хакане. И надеялся, что хакан тоже забудет о нем. Зря надеялся.

⁷ Есть более или менее обоснованное предположение, что хазарский город Семендер был крепостью, сложенной из саманного кирпича, отсюда и название – Саманные ворота. Остатки такого городища найдены близ одной из стариц Терека. Правда, точных доказательств, что это именно Семендер, нет. На основании имеющихся документов достаточно сложно определить точное местоположение одного из важнейших хазарских городов. Можно с уверенностью утверждать только одно: такой город существовал.

Дурная весть застала Машега в степи. И принес ее Рагух. Сам. Такое никому не доверишь.
– Хакан послал за твоей головой! – сказал он, смочив пересохшее горло чаем, поднесенным ему Элдой.

В белом шатре Машега они сидели втроем.

– Ему сказали, что ты злоумышляешь против него.

Машег погладил рыжеватую бороду:

– И он поверил?

– Когда очень хочешь во что-то поверить, непременно поверишь, – сказал Рагух. – Я узнал поздно. Двух коней загнал, но теперь у тебя есть день, чтобы забрать своих и уйти.

– А моя земля? – лицо Машега потемнело.

Элда смотрела на него с тревогой. Если муж сочтет, что задета его честь, он будет способен на самые опрометчивые действия.

– Твоя земля так и так достанется хакану, – сказал Рагух. – Без тебя или вместе с тобой. Не доставляй ему такого удовольствия, уходи! Уходи, Машег! Уходи к русам: они тебя примут!

Машег думал.

– А ты? – наконец спросил он. – Если узнают, что ты меня предупредил, тебе несдобровать.

– Я справлюсь, – ответил Рагух. – Машег, ты не раз спасал мою жизнь... («Ты тоже», – вставил Машег). Уходи! Забирай семью, табуны, все, что ценное... Магометане не догонят тебя в степи!

– Магометане? – встрепенулся Машег. – Хакан послал за мной не хузар, а магометан?

– Нам он не доверяет, – мрачно ответил Рагух. – Тем более в таком деле, как твое.

– И много магометан?

– Много. Три сотни.

– Ого! Триста арабов на одного хузарина!

– Я и говорю – много.

– Ты считаешь – это много? – настроение Машега явно поднялось. – Говоришь, у меня есть день.

– День – точно. Завтра после полудня они будут здесь.

– Значит, у меня есть не только день, но и ночь! А кто их ведет? Тоже магометанин?

– Нет. Это вторая плохая новость. Их ведет Шлом бар Йогаан.

Машег приподнял бровь:

– А не сын ли он того Йогаана, который высудил у моего отца итильские виноградники?

– Сын, – подтвердил Рагух. – Старший.

– Как хорошо! – Машег широко улыбнулся. – Триста магометан, говоришь?

– Триста. Из личной стражи хакана. Каждый стоит троих воинов.

– Ты так считаешь?

– Я их видел в деле.

– А я нет, – усмехнулся Машег. – Было бы любопытно посмотреть.

– Ты что, собираешься с ними драться? – воскликнул Рагух.

– Собираюсь. Спасибо тебе! – Машег встал и обнял друга, но сразу отстранился. – А теперь уезжай! Я сам заарканю для тебя пару лучших коней. Поспеши!

Рагух поглядел на друга... и внезапно ударил его по плечу.

– Хочешь от меня избавиться? – засмеялся он. – Не выйдет! Я остаюсь.

– Ты что? – нахмурился Машег. – А твоя родня?

– Родня? Родители мои умерли давно. Мои братья мертвы, а первая жена умерла, пока мы с тобой служили русам. Один мой сын убит печенегами, второй воюет где-то в Сирии с византийским воеводой Цимисхием. А моя новая жена, благородная иудейка из почтенной семьи

константинопольских шелкоторговцев... Она довольно приятна на ощупь. Такая пухленькая, белокожая... И очень хорошо воспитана: никогда не рыгает, не сморкается, не портит воздух... Зато непрерывно болтает. Наверное, чтобы не лопнуть от избытка газов. Нет, дружище, этого слишком мало удержать меня в Итиле. Ты – моя родня, Машег!

– Отлично! – Машег улыбнулся. – С тобой мы их точно побьем!

– Вы сошли с ума! – заявила Элда, с большим неодобрением слушавшая монолог Рагуха, особенно его высказывания касательно новой жены. – Вдвоем – против трех сотен! Зачем тебе вообще драться? Забирай все, и уходим!

– Молчи, женщина! – произнес Машег. – Ты не понимаешь, что такое честь!

– Зато я понимаю, что такое жизнь! Можешь сжечь усадьбу и сады с виноградником, если не хочешь оставлять их врагу!

– Вот! – Машег повернулся к Рагуху. – Сколько лет живет со мной, а так и осталась нурманкой. Не будем терять времени, друг. Триста магометан – это не так уж много, но все равно слишком много, чтобы мы управились с ними *вдвоем*!

Рагух немного ошибся. Посланцы хакана появились не после полудня, а ранним утром. Отбив непривычный к многодневной верховой езде зад о седло, «карающая рука хакана» Шлом бар Йогаан сменил седло на палубу. Выиграл полсуток и вдобавок рассчитывал нагрянуть внезапно. Но забыл, насколько густо заросли тростником берега в низовьях Дона.

Внезапно не получилось. Высаживались в утренних сумерках, а к Машегову поместью вышли, когда солнце оторвалось от горизонта.

«Поместью...» «Карающая рука хакана» скривил полные губы. Это слово вызывало в его памяти великолепные византийские виллы: фонтаны, ажурные решетки, окруженные парками мраморные статуи (жаль, что Закон запрещает изображения людей, иначе бар Йогаан непременно привез бы дюжину-другую). Поместье! Большой хлев, вокруг которого дюжина хлевов поменьше. А сам «помещик», по слухам, предпочитает жить в юрте, как грязный пастух.

«Карающая рука хакана» был в отвратительном настроении. Через заросли его пронесли на доске, причем он дважды едва не свалился в воду. От берега пришлось ехать в какой-то арбе, на соломе. Вдобавок арба жутко воняла рыбой. К этой вони примешивалась вонь, источаемая потными стражниками. Утонченное обоняние Шлома невероятно страдало. Даже созерцание Машеговых угодий: плодородных садов, виноградников, ярко-зеленых лугов – не утешало, хотя Шлом уже знал, что все это достанется ему. Хакан обещал...

«Надо будет еще раз предупредить Али-Бея (так звали командира сопровождавших бар Йогаана воинов), что все это имущество отступника принадлежит хакану, – подумал Шлом. – Пусть даже и не думают о грабеже. Но можно отдать им Машеговых родственников. Не всех. Самых красивых я возьму себе. Каково будет этому наглецу умирать, зная, что его дети и жены станут моими соложниками! Будет обидно, если Машег все-таки успеет удрать. Но это вряд ли». По совету командира-мусульманина Шлом отправил две полусотни в обход усадьбы. Если Машег и его домочадцы попытаются улизнуть – попадут прямо к ним в руки.

Эта мысль несколько утешила хаканова посланца, и когда он въехал во двор опального хузарина, настроение его улучшилось.

Усадьба выглядела опустевшей. Ее обитатели попрятались или разбежались.

Воины-магометане разошлись между сараями и конюшнями, окружая дом.

Первая сотня выстроилась перед главными дверьми. Шлому помогли слезть с арбы.

Двери в дом были закрыты. Неужели этот глупец надеется, что жалкие стены его хлева могут остановить воинов хакана?

Двери открылись. Шлом облегченно вздохнул: Машег не убежал. Этого и следовало ожидать. Слишком горд и самоуверен, чтобы спастись бегством.

Стражи хакана тут же окружили «карающую руку» плотным кольцом, защищая от возможного нападения. Правильно. С этого дурака станется: ещё бросится в бессмысленную атаку...

– Ты – Машег бар Магтах? – спросил командир магометан. Рожденный в Дамаске, он уже десять лет служил хакану.

– Я, – кратко ответил Машег. – Что вам нужно?

– Ты, – так же кратко ответил магометанин. – Величие и благословение земли, хакан Хузарии желает тебя видеть!

– Зачем?

– Ты спрашиваешь? – деланно удивился магометанин. – Желание твоего хакана – этого достаточно для тебя. Отдай свое оружие – оно тебе более не понадобится.

Командир стражников старался быть вежливым. Он очень хотел обойтись без драки. У Машега была слава храбреца и доблестного воина. Если придется брать его силой, могут пострадать воины Аллаха. Кроме того, хакан пообещал особую награду, если Машега привезут к нему живым, ведь Машег должен сознаться в совершенных преступлениях.

– Возьми! – Машег взмахнул руками, и обе его сабли покинули ножны.

Их острия глядели на магометан. Прикрытый облаченными в доспехи телами стражников Шлом сабель не видел.

– Что он с ним болтает... – недовольно пробормотал «рука хакана». – Три сотни против одного...

– Взять его! – закричал бар Йогаан. – Живо!

– Что за суслик там пищит? – осведомился Машег. – Кого ты привез ко мне, магометанин?

– Ну-ка пропустите!

Шлом протиснулся между стражниками. Это был день его торжества, и он хотел... Но перехотел, увидев оружие в руках Машега.

– Я – рука хакана! – закричал он через плечо стражника. – Ты, Машег, – государственный преступник! Немедленно сдавайся!

«Что за дурак! – подумал командир магометан. – Теперь нам не взять преступника живьем!»

– В чем меня обвиняют? – холодно спросил Машег.

Он стоял один против сотни воинов, но, похоже, нисколько не боялся.

– Тебе незачем об этом знать! – Шлом бар Йогаан привстал на цыпочки: стражник был высокий – Шломова макушка едва возвышалась над его наплечником.

– По Закону ты обязан сообщить мне суть обвинения, – сказал Машег.

– Закон тебя больше не касается!

– Уверен? – Машег усмехнулся. – Это твои слова или слова хакана?

– Я – «рука хакана»! – воскликнул Шлом. – Мои слова – его слова! Брось оружие!

– Такой «рукой», как ты, я бы постыдился подтереться! – холодно произнес Машег. – В чем меня обвиняют, магометанин? – спросил он у командира наемников.

– Меня зовут Али-бей! – Командиру нравился этот хузарин. Али-бей уважал храбрецов. – Тебя обвиняют в заговоре против твоего господина, величия и благословения земли, хакана Хузарии! И еще в нарушении законов вашей веры.

Машег засмеялся:

– Мне нравится, что о нарушении Закона говоришь мне ты, магометанин!

Командир стражников пожал плечами:

– Ты можешь оправдаться, представ перед своим господином. Насчет твоей веры это его слова, не мои.

– Ты уверен, что моему другу дадут такую возможность?

Из дома на ступени вышел еще один человек. Али-бей его знал: Рагух, командир «белой» хузарской сотни.

Этот что еще здесь делает?

На мгновение у Али-бея мелькнула мысль: что если всадники Рагуха тоже здесь? Не потому ли так самоуверенно ведет себя Машег?

Но подумав, Али-бей эту мысль отбросил. Невозможно тайно увести из столицы сотню воинов. Да и не будут воины хакана драться с его личной охраной.

– Даю тебе последнюю возможность, Машег бар Маттах! – сурово произнес Али-бей. – Сдайся! И, клянусь, я не трону ни тебя, ни твою семью!

Прятавшийся за спинами наемников Шлом собрался возмутиться, но вовремя вспомнил, что Али-бей – магометанин, а для магометанина клятва, данная человеку другой веры, не стоит и четвертушки дирхема. Именно поэтому клятву верности хакану магометане давали в присутствии своего священнослужителя. Кроме того, Али-бей говорил только о себе. Ни бар Йогаан, ни стражники ни в чем не клялись.

– Я тоже даю тебе последнюю возможность, – жестко сказал Машег. – Убирайся с моей земли, и никто не тронет ни тебя, ни твоих людей. Даже этого суслика, – кивок в сторону Шлома.

– Что ж, я тебя предупредил... – сказал Али-бей. Некоторое время он колебался: не достать ли саблю и не поучить ли неверного, как ею владеть. Но передумал.

– Пращники! – скомандовал он. – Бей!

Несколько тяжелых глиняных шаров с визгом пронесли по воздуху... Впустую. Машег и Рагух, слаженно отпрыгнув назад, скрылись в доме. Внутри что-то зазвенело...

И это было последнее, что услышал наемник хакана Хузарии Али-бей.

Стрела из легкого тростника вонзилась ему в глаз. Хоть и легок тростник, но наконечник оказался достаточно тяжел, чтобы пронзить глазницу и войти в мозг Али-бея.

А Машег и Рагух снова появились в дверях. На этот раз – с луками, из которых они метали сразу по три стрелы. Они почти не целились: с десятка шагов боевая хузарская стрела прошивает любой доспех.

Окружавшие Шлома бар Йогаана стражники пали одними из первых. Хитрый Шлом, хотя его и не задели, упал вместе с ними и лежал тихонько, обмирая от страха, очень надеясь, что триста магометан все-таки справятся с преступниками.

Они бы и справились, будь Машег и Рагух вдвоем. Но на соломенных крышах сараев и конюшен прятались Машеговы люди, съехавшиеся этой ночью защищать своего господина. Их тоже было немного, чуть больше сотни. Но на их стороне была внезапность. Почти сотня магометан погибла в первые же мгновения боя. Особенно скверно пришлось тем, кого послали окружать дом. Уцелевшие – опытные воины – сумели кое-как организовать себя, но у них были только сабли и небольшие щиты. Они ведь не воевать собирались, а всего лишь арестовать преступника.

В конном строю, с настоящим оружием, они вмиг разметали бы по полю сотню хузар...

Один из уцелевших десятников дал команду штурмовать дом. Атаки не получилось. Штурмующие завязли в куче мертвых и раненных стрелами Машега и Рагуха. Кое-как пробившись к дому; одни принялись рубить саблями запертые двери, другие сунулись в окна... Навстречу полетели стрелы. С крыш тоже продолжали стрелять...

Другой десятник велел поджигать строения и сам бросился с факелом к ближайшему сараю. Не добежал. Идея была хорошая, но запоздалая. Последний десятник скомандовал отступление, и лучшие воины хакана, забросив на спины щиты, бросились наутек. Но убежали недалеко: пастухи Машега прямо с крыш попрыгали в седла...

Глава восьмая

Милость князя киевского

– Ну и что дальше? – спросил Духарев.

– Дальше? – Машег засмеялся. – Воины Магомета отправились к своим иблисам. Мои люди еще три дня вылавливали тех, кто сумел удрать. Почтенный Шлом бар Йогаан попытался меня обмануть: прикинулся покойником. Я сделал вид, что поверил, знаешь, я такой доверчивый... И велел зарыть его вместе с магометанами. Так что теперь он ловчит с отродьями Шеола. Я бы охотно отправил вслед за ним и хакана с его «византийцами», продавшими Бога за ромейское золото, и наемниками-арабами, коим цена – две тростниковые стрелы за штуку. А пока хакан – в Итиле, а я – здесь. Как у вас говорят, изгой, верно?

– Мой дом всегда открыт для тебя, Машег! – тепло произнес Духарев.

И задумался. В последнее время он привык мыслить политически. И знал, что в Хузарском Хаканате дела идут из рук вон. Прижали его со всех сторон, отрезали от ромеев и от Востока. Славянские племена ушли от хакана под руку Киева. Все, кроме вятичей, которые спрятались в своих дремучих лесах и вообще никому платить не собираются. Волжские булгары, вековые хузарские данники, не то что дань не платят, а внаглую разбойничают на хузарских землях, как печенеги в Приднепровье. Только в Приднепровье на печенегов укорот есть – великий князь киевский, а в Хузарии хакан лучших своих воинов под корень норovit извести. Но если Хузария падет, Киеву это может обернуться нехорошим: усилением тех же печенегов, к примеру. Будь в Итиле у власти нормальные люди, такие, как Машег, Духарев уговорил бы Святослава поддержать гибнущий Хаканат. Но правит в Хузарии сущее дерьмо, ростовщики, извращенцы...

Гость прервал размышления Духарева о геополитике и вернул его к политике меньшего масштаба.

– Я благодарен тебе за гостеприимство, друг мой! – торжественно произнес Машег, сын Маттаха. – Но ты так и не ответил на мой вопрос: берешь ли ты меня в *свою* дружину?

– Бери! – раздался скрипучий голос.

В дверях стоял Рёрах. При желании он мог передвигаться совершенно бесшумно. Как он ухитрился это делать на своей деревяшке, для Духарева до сих пор оставалось загадкой. Прошло десять лет с тех пор, как голос Рёраха впервые проскрипел за спиной Сергея: «Поворотись-ка, паря, да погляди на меня...»

– Бери его, парень! Хоть я хузарян и не люблю, а этот годится!

– Так он не к Святославу в дружину просится, а ко мне, – уточнил Духарев.

– Слышал. Я кривой, а не глухой, – проворчал Рёрах и прощандыбал к столу.

Слада услужливо подвинула ему табурет, собственноручно наполнила его миску овощной тюрей (зубов у старика почти не осталось) и поднесла серебряную кружечку меда: уважила, так сказать, мужнина сэнсэя.

Рёрах смочил усы медом, одобрительно фыркнул.

– Сколь ваших с тобой? – спросил он Машега.

– Полсотни и три.

– Такие ж, как ты?

– Таких, как я, нет! – усмехнулся хузарин.

Рёрах еще раз фыркнул. Скептически.

Элда, обидевшись за мужа, открыла было рот, но Рёрах ее перебил:

– Ты, девка, помолчи! Я твоего отца, покойника, постарше буду: знаю, что говорю.

Теперь фыркнула Элда, но Рёрах уже перестал обращать на нее внимание.

– А к нам чего опять прибежал? – спросил он Машега. – Деньги все стратил или с хаканом своим козлородым полаялся?

– С хаканом.

– Дурак твой хакан! Вот помню, когда я с хирдом ходил на...

На кого именно ходил с дружиной Рёрах, так и осталось неизвестным.

Снаружи раздался шум, у ворот зашпорили. Видно, хотели зайти на подворье, да привратник не пускал.

Потом захрапели испуганно лошади: надо полагать, привратник подтянул мишку.

Духарев встал и вышел на балкончик. Глянул: гридни княжьи.

– Эй! – крикнул он сверху. – Случилось что?

Старший, десятник из младшей дружины, привстал на стременах:

– От князя к тебе, воевода! Вели впустить!

– Впусти! – велел Духарев привратнику. – И медведя убери! Я сейчас спущусь!

– Кто? – спросила Слада, когда Сергей вернулся в светлицу.

– Посылы от князя.

– С чем?

– Сейчас узнаю.

Ему и самому было интересно: что вдруг срочно потребовалось от него Святославу. Что там ему мамаша наговорила...

Гридни въезжали в ворота. Много, не менее пятидесяти.

– Токо во дворе прибрал, – проворчал за спиной Духарева привезенный из Полоцка дворовой холоп. – Опять все «яблоками» засерут...

Духарев остановился на крыльце – вровень с всадником.

Десятник спешился, махнул своим. Гридни тут же разошлись, и Духарев увидел угорского княжича Тоттоша, восседающего на мышастой кобылке.

– Забирай! – сказал десятник. – Батька сказал: коли пленник твой, так и кормить его тебе!

– Справедливо, – согласился Духарев. – Медку примешь?

– Токо если всем, – ответил десятник, но тут же смутился собственной наглости и добавил, словно извиняясь: – ...батька.

Духареву понравилось. В дружине командир не хозяин, а первый среди равных. А батька – князь. Тот, кому присягнули. Или кого уважают сильно. Духарева младшие уважали.

«Этого к себе переманю, – подумал Сергей. – Правильный боец».

Поднапрягся, вспоминая, как зовут молодого гридня. Какое-то имя смешное... Капш или Шапш... Гапш!

Духарев повернулся к ворчливому холопу:

– Бегом к хозяйке. Скажи: я велел выкатить во двор бочонок меда! Бегом, я сказал! А тебя, княжич, прошу в дом!

В этот момент Сергей принял решение: его собственной дружине – быть.

Глава девятая

Трувор, сын Ольбарда Красного

Как издревле гласит народная мудрость: «Сказать – быстро, сделать – существенно дольше».

Первым делом Духарев отправился к князю.

Святослава он нашел, разумеется, в Детинце. Юный князь оттачивал фехтовальное мастерство.

– А, Серегей! Давай, бери мечи, поборемся!

– погоди, княже, разговор серьезный есть, – не чинясь, объявил Духарев.

– Тогда пошли в горницу.

Святослав отдал учебные мечи одному отроку, взял рубаху у другого.

В доме смазливая девка (новая, раньше Духарев ее не видел) поднесла им по чашке ягодного сбитню. Князь одним духом осушил свою, похвалил:

– Хорош! Холодненький!

– Со льда, княже!

Девка от похвалы вся расцвела. На князя глядела, как на солнышко.

«Наверняка влюбилась», – подумал Духарев.

Неудивительно: Святослав – парень хоть куда. Вдобавок – князь. А девка совсем молоденькая.

– Ступай, – велел ей Святослав, а когда вышла, сообщил: – Матушка прислала. Была у ее ключницы десницей, теперь вот у меня ключницей будет. Милкой зовут.

«Что-то она слишком молода для первой помощницы княжеской управляющей», – подумал Духарев.

Но девка красивая, спору нет. Можно побиться об заклад, что очень скоро она окажется в княжеской постели.

Что ж, это нормально. Святослав взрослеет, мужает, и Ольга ищет новые пути для управления сыном. Хотя это способ – как раз старый.

– Ну! Говори, что хотел! – нетерпеливо произнес Святослав.

– Хочу, князь, дружину свою набрать, – сказал Духарев. – Не возражаешь?

– Как это – свою? – князь даже в лице переменился. – А я? Ты что же, уходишь от меня, Серегей? Я тебя чем-то обидел, воевода?

– Ну что ты, княже! – Духарев и так чувствовал себя неловко, а сейчас, видя, как опечалился Святослав, едва не отказался от своего намерения. – Ничем ты меня не обидел. И уходить от тебя я не хочу. Хочу только свою дружину набрать. Для своих надобностей. Кормить её сам буду, но если у тебя нужда возникнет, будет за тебя сражаться. Со мной. Я ведь твой воевода, верно?

– Верно! – Святослав сразу повеселел. – Коли так – поступай, как хочешь. А мне вот что скажи: что ты с угорским княжичем делать будешь?

– А что бы ты сделал?

Святослав погладил светлую прядь, свисающую с макушки.

– Свенельд говорит: надо его наказать примерно. Глаза выколоть или руки отрубить. Прочим уграм в урок: чтобы на наши земли более не зарились.

– Наказать... – Духарев усмехнулся. – Представь, князь: наехал ты, скажем, на угров – и в плен попал. А угры тебя так вот *примерно* наказали. Что дальше будет?

– На меч кинусь! – твердо ответил Святослав. – Увечным жить не стану.

– Во-первых, ты не прав, – сказал Духарев. – Даже без рук ты все равно – князь. Дружина – твои руки. А во-вторых, я не о том спрашивал. Как думаешь: будет Киеву урок, если тебя покалечат?

Святослав задумался, потом поглядел на Сергея очень внимательно:

– То у тебя надо спросить иль у Свенельда. Я, увечный, за себя отмстить не смогу.

– Как Свенельд поступит, не знаю, – сказал Духарев. – Но за себя могу точно сказать: я уграм такого не спущу. Хоть с печенегами войду в союз, хоть с болгарами, а такой урок им преподам, что мало не покажется. И мать твоя, уверен, такой обиды не стерпит. Так почему ты думаешь, что угорский князь поступит иначе, если мы покалечим его сына?

– Это не я думаю, это Свенельд советует! – возразил Святослав. – Я Тоттоша калечить не стану. Мы с ним из одного котла ели. И матушка говорит: руки ему рубить не надо, а надо выкуп взять. Да побыстрее. Может, и правда выкуп за него возьмем, как думаешь? Помнишь, той зимой, когда мы с тобой в Новгород ездили, послы германского правителя Оттона приезжали. Матушка говорила, хотели у нас воев конных нанять. Отгон с уграми воевал и сильно их побил. Значит, надобно у них выкуп взять, не мешкая, пока у них еще есть, чем платить. Так что пошли скорей к уграм надежного человека. Пусть договаривается.

– Отгон будет с другими уграми драться, – сказал Духарев.

Он в общих чертах представлял, что творится в Европе. Его названный братец Мышата активно сотрудничал с германским купечеством.

– А к уграм я никого посылать не буду, сам поеду. Вот наберу себе дружину малую – и поеду.

– А угры тебе худого не сделают? – обеспокоился Святослав.

– Вряд ли. Княжич-то здесь останется.

– Добро. Делай, как знаешь, – Святослав встал. – А сейчас пойдём позвеним железом. А то, кроме тебя и Асмуда, никого не осталось, кто может меня побить.

Тут он Духареву польстил. Со Святославом Духарев бился практически на равных, да и то лишь благодаря опыту и значительному преимуществу в росте и физической силе.

Прошло три дня.

Духарев активно занимался созданием дружины. Набрал десятков пять. Просилось больше, но Духарев решил: сотни (это вместе с хузарами Машега) ему пока хватит. Старшим над своими поставил Понятку. Ему же поручил заняться экипировкой. Нанял плотников строить на выселках городок. Пока его строят, парни могут пожить и под открытым небом. Лето все-таки. Хузарам – тем в шатрах еще и лучше.

А через три дня в Киев приплыли варяги.

Тридцать шесть природных варягов, чьи усы были выкрашены в синий цвет. У тех, у кого уже выросли усы.

Командовал прибывшими внучатый племянник Рёреха, носивший нехитрое варяжское имя Трувор. Отец прислал его в Киев наниматься на службу. Выяснилось, что старый ведун отправил родичам письмо: мол, грядут большие дела, хватит рубиться с нурманами за власть над тюленьим народом. Пора выходить на мировую арену.

Лодья с тридцатью шестью молодцами встала у пристани на Подоле, ее экипаж сошел на берег и отправился прямо в Детинец.

Князя там не оказалось, зато оказался Асмуд, тоже природный варяг. При виде такой перспективной молодежи старый воевода оживился и попытался с ходу завербовать вновь прибывших в младшую дружину князя. Трувор отказался, вежливо, но твердо: мол, отец велел ему найти дядьку Рёреха и сделать, как тот скажет. Знает ли Асмуд, где его найти?

Асмуд крикнул, но спорить не стал: во-первых, одноногий ведун был когда-то его вождем; во-вторых, для сына белозерского князя Ольбарда Красного наказ отца был безусловно приоритетным.

Так что кликнул Асмуд пару отроков, велел оседлать лошадку и повел земляков к Рёреху-ведуну. То есть на подворье княжьего воеводы Серегея.

Духарева в этот день там не было: отъехал вместе с Машегом отбирать из табуна коней для угорского похода. Но Рёрах был дома. Муштровал Серегинаго старшенького, Артема.

Увидев, кого привел Асмуд, Рёрах муштру прекратил, наладил пацана к мамке с наказом, чтоб немедля накрывали столы для гостей. И накрывали не во флигеле, который варяг последний год делил с парсом, а тут, во дворе. Флигель для тридцати трех богатырей (трое остались сторожить лодью) тесноват будет.

Рёреха в Серегиним доме почитали как отца, и на угощение не поскупились: одной только колбасы было четыре сорта.

Яства пошли впрок. Говорят, проголодавшийся нурман может в одиночку умять полупудовую хрюшку. Варяги, ясное дело, не так прожорливы, но тоже кушали хорошо, а пили еще лучше. Не удивительно – в такую жару. Пили, ели да поглядывали на дворовых девок с таким жадным интересом, что у девок от одних только этих взглядов слабели коленки.

Неспешно расспросив о делах на родине (дела обстояли неплохо), Рёрах поинтересовался дальнейшими планами молодежи. Планы у молодежи были простые: служить ратную службу.

– В княжьей дружине будут служить! – заявил Асмуд, которого, само собой, тоже усадили за стол. – Я их, молодцев, в лучшие гридни выведу!

Молодцы закивали согласно: перспектива их устраивала.

– Ты помолчи пока! – оборвал Асмуда Рёрах.

Это для прочих киевлян Асмуд Стемидович был княжим пестуном, славным воеводой и третьим человеком в Киеве. Рёрах же знал Асмуда с отрочества, учил его правильному бою и прочей воинской науке. И жил сейчас на свете Асмуд, славный воевода, потому, что подарил ему жизнь старый одноногий и одноглазый ведун Рёрах. Хотя случилось это в те времена, когда Рёрах не был еще ни старым, ни ведуном, ни калеккой, а считался вождем лучшего варяжского хирда, но княжий пестун об этом отлично помнил, так что заткнулся и даже обидеться не посмел.

Духарев, когда ему после рассказывали об этом эпизоде, очень веселился.

– Ты помолчи пока! – велел Рёрах Асмуду. – А ты, – обратился он к Трувору, – говори, что те отец наказал.

– Наказал найти тебя, дядько, и делать, что ты велишь! – отчеканил сын Ольбарда Красного.

– Вот! – назидательно поднял палец старый ведун. – А ты, Асмуд, вперед батьки в сечу не лезь!

– Да куда ж им еще идти, как не в княжью дружину? – искренне удивился Асмуд.

– Воеводе Серегею послужат! – отрезал Рёрах. – К уграм с ним пойдут.

– Так Серегей же – княжий! – воскликнул Асмуд.

– То он – княжий, а эти будут – его! – отрезал Рёрах.

– Не может такого быть! – закричал Асмуд, вскакивая.

– Может! – тоже повысил голос Рёрах. – Воевода Свенельд тоже княжий, а дружина у него своя!

– Так то Свенельд!

– А то – по Правде! – рявкнул старый варяг. – По *нашей* Правде! Иль забыл?

Дубленое лицо Асмуда сморщилось, словно он какую-то дрянь надкусил.

В другой ситуации он сказал бы, что княжья Правда выше варяжской. Но за столом сидели не бояре киевские, а природные варяги, для которых варяжская Правда сызмальства

считалась высшим и единственным законом. Асмуд сам был таким, помнил. И помнил, что по варяжской Правде клятву приносил князю один лишь вождь – сразу за всю дружину. И дружина-хирд принадлежала вождю, а не князю. За каждого в отдельности воина князь спрашивал с вождя. Хотя присягать непосредственно князю Правда тоже не запрещала.

– Сядь, – сказал Рёрах. – Возьми вот, выпей. И угомонись. Я – ведун, я знаю, как лучше.
– Лучше – кому? – проворчал Асмуд, но чашу принял.

А Трувор, сын Ольбарда, лишний раз убедился в правоте отца. Асмуд – первый человек киевского князя, а дядька Рёрах, хоть и не в Детинце живет, а на чужом подворье, все равно выше.

Так и получилось, что вместо двух полусотен у Духарева под началом оказалось без малого полтораста человек. Не много. Он водил и тысячу. Но те были – княжьи, а эти – его собственные. Только четырнадцатью десятками дело не ограничилось. Пока готовился поход, к Духареву шли люди. Слава у воеводы Серегея была немалая, служить ему многим казалось лестно. И выгодно. С удачливым вождем добыть можно немало.

В общем, каждый день доверенные Сергея – Понятко, Машег, Рёрах – приводили к нему одного-двоих воев со словами: «Этого надобно взять непременно». Духарев брал, полагая, что несколько человек ничего не изменят. Однако, когда его дружина удвоилась, Духарев решил прекратить набор. Наилучшим для этого способом было поскорее убраться из Киева.

Дружину свою (численность которой уже перевалила за три сотни) Духарев разбил на три части: хузар и прочих степняков отдал Машегу, гридней посерьезнее – Понятке, а отроков – Трувору. Тот хоть и молодой, а в заварушках бывал не единожды: с тринадцати лет в походы хаживал. А что степи не знает, так это поправимо. Духарев дал ему в помощники двух классных специалистов: хузарина Рагуха и гридня Бодая, бывшего Свенельдова десятника.

Князь уличский и древлянский воевода Свенельд появился в Киеве за день до отправления посольства. И немедля вызвал Духарева к себе. Сергей отправился с тяжелым сердцем. Ничего хорошего он от этой встречи не ждал.

Глава десятая

Человек из-за кромки

Духарев был в курсе, что Свенельд в свое время предпринял настоящий розыск, пытаясь вызнать, откуда взялся боярин-воевода Сергей со своим саженым ростом, нетрадиционным мышлением, рожей исконного кривича и чужеземным христианским вероисповеданием.

Свенельда можно понять: слухи о Духареве ходили всякие. Был и такой, что он – внебрачный сын самого Олега Вещего. Коли так, то вполне мог и киевского престола пожелать, а такой вариант ни Свенельда, ни Ольгу не устраивал категорически. Так что Свенельдов розыск с политической точки зрения был вполне обоснован. Но результат его был – шиш с маслом.

Появление Сергея в Малом Торжке десять лет назад было зафиксировано, благо засветился он там по полной программе: и кулаками помахал, и самого княжьего наместника Скольда за язык поймал и вынудил от собственного решения отступить. Но то, что говорили свидетели о торжковском «Сергее», плохо согласовывалось с тем, что видел сам Свенельд. Бывший Скольдов гридень Мороз утверждал, что чужак, объявившийся в Малом Торжке, не то что мечом – дубиной орудовать толком не мог.

Либо, посчитал Свенельд, Сергей ловко прикидывался увальнем, либо то был совсем другой Сергей, потому что *тот* ни за что не смог бы год спустя *зарубить* на смоленском торгу нурманского сотника славного Хайнара, брата еще более славного нурмана Виглафа, берсерка. Но если убийство Виглафа произошло где-то в лесу, и ходили об этом лишь всякие неверные слухи, то Хайнара Сергей прикончил на глазах у целой толпы свидетелей. Впрочем, как сражается воевода Сергей, Свенельд и сам видел. Любому ясно: такое мастерство не за год обретается. Еще знал Свенельд, что учил воеводу сам Рёрах. Но когда? И зачем, если Сергей тогда даже варягом не был. В варяги его посвятил Устах – это Свенельд тоже знал доподлинно.

В общем, чем больше сведений о Духареве набирал уличский и древлянский князь-воевода, тем более терялся в догадках. Будь его воля, забыл бы он о многочисленных заслугах Духарева и выставил сомнительного воеводу из Киева. Но даже всевластному Свенельду такое было не по силам. Его не поняла бы даже собственная дружина, в которой почти все старшие гридни с воеводой Сергеем приятельствовали. А уж юный князь точно не позволил бы отстранить от себя человека, который был ему наставником вровень с официальным пестуном Асмудом. Эх, с каким бы удовольствием откопал Свенельд что-нибудь конкретное о Сергеевском происхождении. Но – тщетно. Никто, даже природный варяг Устах, самый близкий друг Сергея, не знал, откуда взялся Духарев на Свенельдову голову.

Впрочем, были два человека, которым воевода рассказал о себе почти все: ученый парс Артак и старый варяжский вождь Рёрах.

Эти двое были люди незаурядные. Один – ведун, второй – ясновидец-предсказатель, то есть с потусторонними силами тоже, считай, запанибрата. К тому же оба и так знали, что Сергей, мягко говоря, нетутошний. И, более того, до сих пор существующий частично вне этого мира. Правда, с «технической» стороны точки зрения этих двух специалистов по магии на Духарева как потустороннее существо не совпадали. Рёрах, ставший ведуном после того, как оставил за кромкой пол-ноги, полагал, что Духарев пребывает большей частью в этом мире, но в *том* тоже оставил нечто конкретное, хоть и небольшое. Что именно, Рёрах не знал. Парс же, наоборот, утверждал, что лишь незначительная часть Сергея воплощена в этом мире. Артак с самого начала полагал Духарева могучей потусторонней сущностью, чуть ли не божеством, лишь ничтожная часть коего могла воплотиться в брентную человеческую оболочку.

Сергею было занятно наблюдать, как оба мудреца воспринимали его рассказы о будущем: не столько пытаясь осознать сказанное, сколько вгоняя описываемые Духаревым вещи вроде вертолетов, видео и искусственных спутников в привычную систему мировоззрения. Первое

время Духарев пытался с этим бороться: рисовал картинку, в меру своего скудного образования прояснял технические подробности... Без толку. Духарев был почти уверен: повисни у них над головами настоящая «вертушка», Ми-27, к примеру, так один мудрец увидит в ней помесь Слейпнира со Змеем Горынычем, а второй – какую-нибудь Птицу Гаруду или как там она у парсов называется.

Это было нормально. Так же нормально, как и то, что всякую сюрреалистическую нежить своего мира и варяг, и парс воспринимали хоть и с позиций разного магического образования, но вполне адекватно и реалистично. Так, историю с уродом, десять лет назад напавшим на Духарева со Сладой в ночь летнего солнцеворота (Сергея до сих пор в дрожь бросало от воспоминания), Рёрах и Артак заслушали вполне серьезно, уroda классифицировали (каждый по-своему), действия, предпринятые Духаревым, проанализировали и признали малоэффективными, но правильными. Правда, и тут между мудрецами не оказалось полного согласия: Рёрах считал, что Сергей шуганул нежить силой, шедшей к нему из-за кромки, а парс полагал, что Духарев напугал тварь демонстрацией своей истинной, «демонической» сущности. Ладно, что в лоб, что по лбу, все равно одной и той же деревянной ложкой.

Как ни крути, а в одном эти специалисты по потусторонним делам были правы: десять прошедших лет не сделали Духарева стопроцентным человеком этого мира. И правильно чувял Свенельд: Духарев не такой, как все. Прошлое-будущее так и не отпустило Духарева от себя. Даже бодрствуя, Сергей время от времени воспринимал его контуры, проступавшие сквозь реальность этого мира. К такой мистике он уже привык, перестал бояться, что его засосет обратно в двадцать первый век. Он даже научился использовать это состояние, на опыте убедившись, что окружающая его реальность начинает дрожать и расплываться только тогда, когда ему предстоит сделать основополагающее решение или совершить нечто действительно значимое. Это было даже приятно: чувствовать себя *вещим*. И чем лучше помнился *тот* мир, тем полнее и острее воспринимался этот. Оставаясь человеком другого тысячелетия, Духарев умел понимать и ценить преимущества этого времени. Он любил родных и друзей, а родные и друзья любили его, даже не задумываясь о том, кто он и откуда. И Духарева ничуть не заботило, что его старший сын Артем никогда не сядет за руль и не сыграет в компьютерную игру, а его жена никогда не воспользуется французской парфюмерией... Последнее, впрочем, теоретически возможно. Франция в этом мире есть. И парфюмеры там тоже есть, надо полагать. Но вряд ли их продукция лучше тех сирийских притираний, которые привозит сестре Мыш.

Итак, будучи продуктом общества высоких технологий и низких целей, Духарев несколько не парился от того, что его дети никогда этого общества не увидят. Но сам он, к сожалению, продолжал видеть его постоянно. Во сне. Да, черт возьми, Сергею постоянно снились сны из *той* жизни. Причем иные сны были такими яркими, что пока Сергей спал, сном казалась вся его варяжская жизнь. В снах этих Духарев тоже был очень авторитетным человеком, но каким-то порченным: жадным, злым, циничным. У него было брюхо больше, чем у боярина Шишки, ладони мягкие, как у женщины, а пальцы толстые, как у ромейского евнуха. В этих снах Духарев говорил по-русски, но как будто на другом языке, на людей смотрел, как на челядь, а когда говорил с теми, кто выше (а таких было немало), то выдавливал из себя улыбку, словно моллюска из раковины. Еще в снах все время был страх. Обычно страх прятался где-то за спиной, но время от времени касался ледяной лапкой виска или шеи, и тогда Духареву сразу хотелось выпить водки. И чем больше он пил, тем чаще приходил страх. Варяг Серегей ничего не боялся: ни нурманского клинка, ни печенежской стрелы, ни князьего гнева. Его жизнь была великой ценностью, пусть даже и принадлежала не многим: семье, князю, Киеву.

А *тот* Сергей Духарев, наоборот, жил исключительно для себя. И живя так, как ему хотелось, чувствовал, что очень многим он мешает жить так, как хочется им. Тот Духарев жил не в маленьком средневековом городе, а в самой Москве (Питер Сергею теперь почти не снился), в просторной квартире с тремя ванными. У него были и другие дома и даже особняк на

Рублевском шоссе, почти такой же большой, как здешний дом на Горе. Но когда тому Духареву нужно было выйти из дому, первыми выходили суровые мужчины с бесцветными глазами. Они проверяли всё: улицу, машины, подходы. Только тогда, в окружении других мужчин, еще более крупных, чем он сам, Духарев выбирался на открытый воздух. И сразу же нырял в пахнущий ароматизаторами салон авто, а потом ехал куда-то. Навстречу новым проблемам.

В той жизни у Духарева было много поездок, но все они были одинаковыми; было много красивых женщин, но они тоже были одинаковыми, яркими и бесцветными одновременно. И, главное, там не было Слады.

– Сладушка моя сладкая! – Сергей нежно провел пальцами по белой коже между набухших молоком грудей.

Сладислава не взяла кормилицу, выкармливала дочку сама. Двух сыновей и двух дочерей родила она Духареву, но по-прежнему оставалась такой же стройной и юной. Или ему так казалось? Во всяком случае любил он ее по-прежнему и желал так же страстно, как и десять лет назад. У него были и другие женщины там, в походах, но нужна ему была только она. И не было у Сергея других жен и наложниц не потому, что он – христианин, а потому что не хотелось ему других жен. Наверное, он и христианином оставался только ради жены. Она стала самым дорогим подарком его новой жизни. Сладушка...

– Мне так хорошо, Сережа... – маленькая женщина потянулась к нему, уткнула головку куда-то под мышку. – Так хорошо...

Это была их последняя ночь. Завтра Духарев уезжал к уграм. Послом от Святослава. Угорский княжич Тоттош оставался здесь, в доме воеводы. За ним присмотрят. Впрочем, Сергей и не ждал от него сюрпризов. Княжич поклялся, что не сделает попытки бежать. Духарев ему верил и предоставил полную свободу в пределах города. Тоттош даже ездил со Святославом на охоту. Они были ровесники, но в этой паре Святослав был безусловно старшим. Пусть подружатся. Когда-нибудь угр вырастет и тоже станет князем. А друзья-князья – это не просто друзья, это союзники...

Духарев, расслабившись, отдавался ласкам жены. Он наслаждался ее близостью, чувствуя, как уходит усталость, как уходит тяжесть из тела и мыслей.

Сегодня у него был трудный день. Тяжелейший разговор со Свенельдом. Князь уличский и древлянский не хотел этого посольства. Казалось бы, мир с уграми в его интересах: всё самое лакомое он уже прибрал к рукам. И уличи под ним, и тиверцы – его данники. Может, причина в том, что смерды куда больше ценят своего князя, когда тот не просто опустошает их кладовые, а защищает смердов от разбойников-угров... Которым эти смерды ранее кланялись данью. Очень может быть, ведь бьется с уграми дружина Святослава, а погосты, на которые свозят дань, – Свенельдовы. По договору часть «прокорма» должна была отходить великому князю, но практичный Свенельд предоставлял Святославу брать этот «прокорм» самому, причем предлагал для отдачи исключительно пограничные территории.

Святослав не возражал. Ему нравилось драться, а не считать мешки с зерном и овечьи шкуры. А его мать... У матери-княгини со Свенельдом – давняя дружба. Злые языки поговаривали, что...

Впрочем, не так уж это важно. Важно, что Свенельд в трудное время княгиню поддержал. Далеко не факт, что без Свенельда Ольга смогла бы удержать единство киевской державы...

Но если задуманное Духаревым удастся, то княгиня точно будет на его стороне.

– Береги себя, Сережа... – шептала Слада, прижимаясь к мужу так знакомо и нежно, что сердце его наполнялось шемящей нежностью. – Береги себя, а я буду все ночи за тебя молиться...

«Бедная, – подумал он. – Как часто ты меня провожаешь...»

Большую часть времени воевода проводил в походах. Из любого он мог не вернуться. И Слада это знала. Тяжко большую часть своей жизни ждать возвращения любимого... И знать, что он может и не вернуться. Много ли женщин там, где родился Сергей, могут так ждать? Да, здесь это – норма. Здесь все жены воинов и правителей живут так. Но все равно чертовски тяжело... И Духареву не хотелось думать о том, что наступит время, когда его сыновья подрастут и тоже станут воинами... Впрочем, у Сергея был выход: он мог брать их с собой. Хотя отец угорского княжича тоже, наверное, брал сына в походы... Какое-то время. И Ольбард Красный. Так что это не поможет. Не будет сын вечно за отцово стремя цепляться. Только одно поможет им выжить: если станут настоящими воинами. Такими, как он. Нет, лучше такими, как князь киевский Святослав.

Глава одиннадцатая, в которой воевода киевский Сергеем беседует с великим воеводой мадьярским Такшоном, сыном Левенте

Угорского князя звали Такшонь, и был он внуком и сыном неких Арпада и Левенте. Предводителем союза венгерских племен Такшонь стал, унаследовав «должность» после смерти своего двоюродного брата Фаличи. Крепость Такшонь тоже унаследовал от брата, который, собственно, ее и построил.

Толмач назвал Такшона хаканом. Ну да, хакан – это по-степному. Болгарского царя в степях тоже хаканом кличут. Сами угры-мадьяры во время официального приема называли вождя дьюлой, что, как уже знал Духарев, было поменьше, чем великий князь мадьяр. Но еще он знал, что именно к дьюле Такшоно подкатывались легаты германского императора Оттона, склоняя ввести на своих землях католицизм. Сулили, что император дарует Такшоно титул короля.

Это Сергею Мыш сообщил.

Такшонь королем стать хотел, но идти под власть императора, который недавно крепко накарал его соплеменникам, не рвался. Здесь, в горах, Такшонь чувствовал себя весьма уверенно. И крепость у него – будьте-нате. Немногим хуже хузарского Саркела. Хотя Саркел строили византийские зодчие, а этот мрачный замок, скорее всего, – европейцы.

А сами угры – типичные кочевники-воины. Хищники. С точки зрения Европы – дикари. С точки зрения Константинополя-Царьграда – варвары. Но Духарев гораздо охотнее имел бы дело с ними, а не с копчеными-печенегами.

Шли сюда от Киева легко. Двигались трактом, от колодца к колодцу, обгоняя редкие караваны и в локальные конфликты почти не ввязываясь. Посольство тоже не трогали. Накалывать на три сотни дружинников могла только большая орда, но такой по дороге не попалось, а отдельные разбойничьи шайки при виде русов быстренько поворачивали коней. Непривычные к степи молодые варяги изумлялись ее простору, называли степь «травяным морем». Духарев воспользовался случаем: преподал им пару уроков «степной охоты», в которой стал мастером не хуже Машега. По его команде хузары с Понятковыми гриднями отследили и загнали, как тарпанов, ватажку копченых. Кто сам сдался, убивать не стали: забрали коней, ободрали и в одних портках отпустили гулять. Гулять копченым было неблизко: до ближайшего колодца – под сотню стрелищ. Для непривычных к пешим перемещениям кочевников – изрядный кусок.

Трувору и его родичам было продемонстрировано стандартное степное оружие: кривая сабелька, пика, булава для ближнего боя и, главное, короткий, хитро изогнутый лук, из которого можно на скаку бить шагов на двести пятьдесят. Луки эти, конечно, уступали хузарским, но заметно превосходили варяжские. Трувор и его люди были воинами высокой квалификации, но их ратное искусство – северное, то есть с упором на пеший бой. Под Степь им придется переучиваться так же, как когда-то переучивался и Духарев.

Ничего, справятся.

Угры встретили посольство за Истром. Сергей, во избежание осложнений, заранее отправил на ту сторону гонца. Так что не успели русы вытряхнуть солому из бурдюков, на которых форсировали реку, как на горизонте показались всадники-угры. А через два дня посланцы увидели грозную крепость хакана Такшона.

– Чего ты хочешь, рус? – спросил хакан-князь-дьюла Такшонь.

В холодной мрачноватой зале с пыльными гобеленами и несоразмерно высоким потолком их было только трое: Такшонь, Сергей и толмач.

Это Сергей потребовал разговора наедине. Магьяр согласился. Был он мрачен. Впрочем, с чего ему быть веселым? Духарев уже знал, что Тотош двинул в рейд на уличские земли без батькина благословения. Удадь решил проявить. Вот и проявил.

– Чего ты хочешь, рус?

Духарев молчал.

За последние несколько лет он многожды дрался с уграми. За земли, за данников. Это были в большинстве даже не битвы, а мелкие стычки вроде той, в которой взяли сына дьюлы.

Духарев молчал.

Перед ним был повелитель. Потомок повелителей. И предок тоже. Потомки его племени выживут. Там, в будущем, нет ни жестоких печенегов, ни высокомерных хузар, ни хитроумных византийцев. А магьяры – есть.

– Чего ты хочешь, рус? – снова перевел толмач.

У толмача была длинная тонкая шея, забавно изогнутая. Как у гуся.

– Чего я хочу...

Недавно угров в Европе крепко побили. Сначала Генрих Баварский накостылял им в Северной Италии, а в прошлом году где-то под Аугсбургом и вовсе смешали с пылью вождей трех угорских племен. Хакана Такшоня там не было. А хоть бы и был... Европа, наконец, научилась противостоять страшной угорской коннице. Это факт, который вынудил угров переключиться с запада на восток и стать активными конкурентами Киева и печенежских орд в Большой степной игре.

В степи, на расстоянии полета стрелы, угры мало чем отличались от копченых, печенегов. Но вблизи...

– Я хочу, хакан Такшонь, чтобы между нами была дружба, – сказал Духарев.

– Ты от себя говоришь, воевода? – властный магьяр растерялся.

Он умел видеть правду (иначе какой из него правитель) и видел, что громадный варяг не лжет.

– Великий князь киевский прислушивается к моим словам, – осторожно ответил Духарев.

– Великий князь киевский – мальчишка! – с легким пренебрежением отозвался магьяр (толмач перевел: «Еще очень молод»). – Мальчишка! Такой же, как мой сын. Мы знаем, что киевской вотчиной правит княгиня Ольга совместно с князем Свенельдом. Не думаю, что Свенельд захочет этой дружбы.

– Во-первых, великий князь киевский уже достаточно взрослый, чтобы сам принимать решения, – сказал Духарев. – Во-вторых, у воеводы Свенельда более нет интересов на угорских землях.

– Еще бы! – фырнул магьяр. – Он уже взял, что хотел!

– Да, – согласился Духарев. Не стоило оспаривать очевидное. Большинство персональных данников Свенельда когда-то платили уграм. – Ты хочешь вернуть потерянное?

– Хочу.

– Этого не будет, – спокойно ответил Духарев. – Ты сам знаешь. Все, что ты можешь, – посылать мелкие отряды, чтобы грабить киевские земли. А мы их будем перенимать и бить... Без толку расходуя силы, которые можно было бы применить с большим успехом и большей выгодой и для русов, и для вас, магьяр. Почему бы тебе не обратить своих воев на другую цель?

Дьюла не ответил: ждал продолжения.

– Я знаю, – сказал Духарев, – что запад нынче закрыт для твоих походов.

– Ты неплохо осведомлен для руса, – недовольно проговорил магьяр.

– Я умею разговаривать с чужеземными купцами.

На самом деле Сергей полагался не столько на чужеземных гостей, сколько на своих. Его названный брат, Мыш-Момчил из Радов Скопельских, был главным информатором Духарева.

– Византия? – полуутвердительно спросил Такшонь.

– И Византия тоже. Я слышал, ромеи больше не платят вам дань.

– Киеву они тоже не платят, – отозвался Такшонь. – Больше не платят. А мой брат уже не единожды силой брал то, что Константинополь отказался отдавать добровольно.

– Византия богата, – согласился Духарев. – Но ни вам, ни нам, ни печенегам не овладеть ее землями. А ведь совсем рядом с нами лежит богатство, которое может полностью принадлежать нам.

– Болгария? – попробовал угадать дьюла.

– Нет, – Духарев покачал головой. – Хузары.

– А-а-а... – интерес мадьяра сразу утратил остроту. – Это для вас – рядом. А между нами и ними земли двух печенежских ханов... И еще тех данников, которых отбил у меня ваш Свенельд.

«В том-то и дело, – подумал Духарев. – Потому-то мне и нужен ты, а не печенеги».

Печенеги встанут на хузарскую землю крепко, двумя ногами, а угры не смогут.

– Наша Тмутаракань, которую у вас называют Таматархой, тоже далеко от Киева, – сказал Духарев. – И тоже через земли печенегов... которые ранее были хузарскими.

– То верно, хузары теряют свои земли и силу, – согласился Такшонь. – Но у всякого народа бывают плохие времена. Быть может, они еще возродятся.

– Нет, – твердо произнес Духарев.

– Почему ты так думаешь, воевода?

– Я не думаю, – воевода киевский посмотрел в черные блестящие глаза воеводы мадьярского. – Я знаю.

Он действительно *знал*. Но для угра нужны были аргументы.

Такшонь скептически приподнял бровь.

– Ты видел природных хузар среди тех, кто приехал со мной? – спросил Духарев.

– Допустим.

– Это *белые* хузары! – подчеркнул Духарев. – В дружинах киевского князя и воеводы Свенельда немало белых хузар.

– Я не удивлен, – пожал плечами дьюла. – Белые хузары – воины.

– Вот именно. Потому Киев привечает их, дает им земли в удел. Земли, которые когда-то были хузарскими.

– Ну и что с того? – еще раз пожал плечами Такшонь. – Славяне тоже воюют за ромеев. Я слышал, и у Отгона были ваши.

Духарев пожал плечами. Отгон побил угров. И, насколько известно Духареву, из угров же набрал легкую конницу.

– Наши вои сами выбирают себе повелителя, – сказал он. – Князь им не указчик. Наш князь – не хакан хузарский.

– Это так. Почему бы хузарам не повоевать за твоего князя? Да, я слышал и более того: целые хузарские роды отрекаются от иудейской веры и уходят под власть печенежских ханов. Зато за хузарского хакана сражаются лучшие воины ислама. А сражаться они умеют, это я знаю не понаслышке, я сам с ними дрался!

– Они сражаются не за свою землю, а за золото хакана! – возразил Духарев. – А золото хакана когда-нибудь кончится. Но...

Он остановился.

– Что? – спросил весьма заинтересованный мадьяр.

– Почему бы нам не взять это золото до того, как его запас иссякнет?

– Даже если мы объединимся, Итиль нам не по зубам.

– Сейчас – нет, – согласился Духарев. – Но я готов поклясться: пройдет несколько лет – и это станет возможно. Если мы объединимся.

– А если нет?

– Если нет, хузары все равно падут. И богатства их достанутся печенегам. Но даже если я ошибаюсь насчет хузар, есть много других земель, которые могут... представлять для нас интерес. Вот я слышал: ромеи платят булгарам ежегодную дань...

– Это не дань! – возразил Такшонь. – Это годовое содержание их принцессы, жены болгарского хакана.

– У ромеев так много императоров, что вполне может найтись еще парочка принцесс.

– Твой князь – язычник. Ромеи никогда не отдадут дочь императора за язычника!

– Что ж, – философски ответил Духарев. – Ты ведь христианин. А киевский князь, я уверен, согласится и на одно *содержание*. Принцессу ромеи могут оставить себе.

Такшонь улыбнулся, а Духарев продолжил, уже серьезно:

– Мое слово таково, хакан: я предлагаю тебе союз! И в знак крепости моих слов я готов возвратить тебе сына. Без всякого выкупа! Но и ты должен дать мне залог своего расположения...

– Какой? – осторожно спросил Такшонь.

– Ты должен отдать мне свою дочь!

– Тебе? – произнес с некоторым удивлением хакан угров. – Но ведь у тебя есть жена. И мне говорили, ты христианин, как и я, и не берешь в дом даже наложниц. Меня обманули?

– Нет, – качнул головой Сергей. – Все правильно. («Ага! Ты тоже навел обо мне справки».) Я беру твою дочь не для себя, владыка. Я беру ее для моего князя.

– А что скажет княгиня Ольга?

– Княгиня Ольга не станет возражать, если женой ее сына окажется христианка.

«Но главное, – подумал Духарев, – Ольга хочет мира. А дружба с уграми обеспечит нам здесь, на западе, надежный мир... И мы сможем смело двинуть на восток, на вятичей. А затем – на хузар. Свенельд тоже не будет противиться. Ему мало дани на улицах и тиверцах, земли которых он оттяпал у угров. Он хочет занять кусок и на востоке».

– А если не согласится сам князь? Недавно ты сказал: он уже достаточно взрослый, чтобы сам принимать решения. Что если ему не понравится моя дочь?

– Она ему понравится, – улыбнулся Духарев. – Твой сын сказал: его сестра почти так же красива, как моя жена.

Такшонь тоже улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Я согласен. Но ты, воевода Сергей, поклянешься мне нашим общим Богом и жизнью своей супруги, что моя дочь не потерпит в твоей стране обиды!

– Я клянусь! – торжественно произнес Духарев и поцеловал маленький золотой крестик, который он уже много лет носил на груди. Единственное, что осталось у него от *того* мира, кроме кое-каких знаний и снов.

– Я принимаю твою клятву! – не менее торжественно произнес Такшонь. – Моя дочь поедет с тобой в Киев. Уверен, что ты выполнишь свое обещание и пришлешь мне сына без всякого выкупа.

– Так и будет! – ответил Духарев.

В крайнем случае он сам заплатит за мальчишку. А в том, что дочь Такшоня понравится Святославу, он не сомневался. Парень не однажды высказывал свое восхищение Серegiной женой. А девчонка действительно похожа на Сладу. Духарев вчера сам в этом убедился.

– Союз? – он протянул руку мадьярскому воеводе.

– Союз! – рука дьюлы, такая же мозолистая клешня, как и его собственная, протянулась навстречу.

– Союз! – с важностью перевел толмач.

Это было последнее слово, которое он произнес в своей жизни. Ладони воинов разъединились... И рука мадьярского воеводы смяла тощую шею толмача...

– Слишком важные слова, – на ломаном хузарском произнес Такшонь. – Знаешь ты, знаю я. Достаточно.

Через восемь дней посольство отправилось обратно. Духарев вез в Киев подарки от угорского дьюлы. Главным «подарком» была юная княжна – будущая жена киевского князя. Конечно, Сергей рисковал. Не подобало ему выбирать будущую киевскую княгиню. Но он полагал, что достаточно хорошо знает и Ольгу, и Святослава, чтобы рискнуть. Прецедент, впрочем, был. Саму Ольгу точно так же привез из Плескова воевода Олега Вещего. Правда, воевода заранее знал, кого следует привезти. Но кто такая была Ольга с формальной точки зрения? Да никто! Мать ее – ничем не примечательная дочь одного из плесковских старшин, а кто отец – вообще неизвестно. То есть ведомо... кому надо. Но официально – безотцовщина. А Духарев везет ее сыну природную княжну.

Разве что Свенельд останется недоволен. Вот если бы Духарев привез невесту *его* сыну, тогда другое дело! Перебьется. Лют, конечно, неплохой парнишка, но о невесте для него пусть позаботится папаша.

Глава двенадцатая

Предательство

Крепость угорского дьюлы давно потерялась вдали. По мысли Духарева, их отряд уже давно должен был выехать на равнину, а узкая – две повозки не разойдутся – дорога все еще вилыла по ущельям да перевалам. На такой дороге хорошо врага держать, а путешествовать лучше по тракту. Три сотни духаревской дружины растянулись на полкилометра. Сам воевода ехал в центре, вместе с юной княжной, а возглавлял колонну угорский боярин с типично печенежским именем Кухт.

Боярина Такшонь послал с княжной в Киев. Этот же боярин должен был на обратном пути сопровождать сына дьюлы. С Кухтом шли всадники, тоже около трех сотен. Разведку тоже вели они. Духарев не возражал: тут была угорская земля.

– Выйдем прямо к Дунаю, – пообещал Кухт. – Так безопаснее, чем на равнине, где нас всяк издалека увидит. Мы ведь не налегке: княжну везем, приданое...

В принципе, он был прав, хотя Духарев помнил, что, переправившись через Дунай, они уже через два дня прибыли к Такшоню. Но и то верно, что сюда ехали налегке, большей частью без всякой дороги, иногда еле заметными тропами. Тоже не сами – вел старший отряда, высланного Такшонем навстречу посольству.

Но дело было в том, что тот проводник Духареву нравился, а боярин Кухт – нет. И общались они через толмача. По-русски Кухт не понимал, по-хузарски тоже. И еще он все время неприятно скалился: надо полагать, у него улыбка была такая, но Духареву казалось: Кухт толмачу одно говорит, а толмач Сергею – другое.

Между собой русы звали Кухта подханком.

Будь на то Серегина воля, он охотно отдал бы подханка своим дружинникам: допросить с пристрастием.

А вот девочка-княжна Сергею нравилась все больше. Тихая такая, глаза доверчивые. Чем-то она ему напомнила Рогнеду, меньшую дочку полоцкого князя Роговолта. Та, правда, совсем малышка. Прошлой зимой, когда Духарев был в Полоцке (по делам, и друга Устаха заодно навестить), крохотуля забралась Духареву на колени и глядела так, словно Сергей ей родной. Помнится, он тогда пожалел, что не взял с собой семью: его Данка Рогнеде – ровесница. Но Серегину дочь тихоней никто не назовет – суцая оторва.

На Духарева вдруг нахлынула грусть: всё он в походах да плаваньях. Со своими и месяца полного провести не получается.

Машегу вот хорошо! Его любимая всегда рядом.

Хузарин будто почувствовал: подтянулся поближе.

– Думы, Серегей? – спросил он по-хузарски.

– Есть немного, – ответил Духарев.

– Вот и мне тоже что-то не по себе.

– Что? – мгновенно насторожился Духарев.

– Я двоих отроков послал вперед пробежаться...

– Зачем? Там же угорские дозоры!

– То-то и оно, что угорские. А моим бы уже вернуться время, а нету.

– Может, этого спросить? – Духарев кивнул на угорского боярина.

Машег скептически поджал губы. Ему угр тоже не нравился. Но оснований для недоверия не было. Разве мог Такшонь дать в сопровождающие дочери ненадежного человека?

– Может, сказать нашим, чтобы брони вздели? – предложил Машег.

Духарев поглядел на небо. Нормальное небо, немножко пасмурное. До обеда еще стрелищ сорок проехать можно. Машег понял его взгляд неправильно:

– Хочешь по облакам судьбу прочесть? – спросил он серьезно.

Вот что значит репутация ведуна!

– Нашу судьбу в чужом небе не прочтешь, – отозвался воевода.

Но все же прислушался: что там интуиция говорит? Когда столько лет в походах, седалищное чутье обостряется невероятно. И не только седалищное.

«Что-то подханок наш слишком оживлен... – подумал Сергей. – Как будто ждет чего-то...»

Сразу вспомнилось, что на стоянках угры все время сторонились русов. Как будто получили команду не вступать с ними в контакты. Это было не похоже на поведение угров в крепости Такшоня. Когда выяснилось, что дьюла с киевским воеводой договорились по-хорошему, местные стали относиться к киевскому посольству с подчеркнутым дружелюбием.

– Добро, Машег, – согласился Духарев. – С Кухтой я перетолкую. А наши пусть взденут брони. Только незаметно.

– Можно и незаметно, – согласился Машег. – Возы пылят, за пылью ничего не видно.

Духарев направился в авангард, к уграм.

Угорский боярин – красная шапка, красный кафтан, красные кисти на упряжи – осклабился во весь рот, словно близкого друга увидел.

Его ближние всадники посторонились, пропуская киевского воеводу.

– Что впереди? – спросил Духарев.

Толмач перетолмачил. Угр осклабился еще шире.

– Хан Кухт сказал: не беспокойся, рус! Хан позаботится о дочери Такшоня как о своей. Хан сказал: дочери дьюлы Такшоня, должно быть, скучно ехать с русами: даже поговорить не с кем. Веселей бы ей со своими ехать.

– Дочь дьюлы едет с нами, – отрезал Духарев. – И она не скучает: учит наш язык, чтобы беседовать со своим мужем без толмача. Я задал тебе вопрос: что впереди? Я хочу знать, хан, когда я увижу Дунай?

– Ты увидишь! – заверил хан. – Всё увидишь! Уже скоро! Завтра!

Духарев придержал коня, пропуская голову колонны. Ситуация ему не нравилась. Дороги он не знал. У него даже не было возможности контролировать общее направление: местность холмистая, дорога петляет, как пьяный заяц.

Юная княжна ехала в окружении русов. Верхом. Рядом, почти касаясь коленом ножки княжны, ехал Понятко.

Двадцатисемилетний красавец-варяг, сотник, любимец великого князя киевского, на взгляд Духарева, держался слишком близко от будущей великой княжны. И вел себя, по мнению воеводы, весьма легкомысленно. Любвеобильная душа Понятки взбудетенивалась при виде любой красивой женщины. Разве что с духаревской Сладиславой он вел себя пристойнее. Но тут особая статья.

Угорская княжна – тоже статья особая, но Понятко все одно заливался соловьем. В прямом смысле: щелкал и свиристел, закладывая коленца не хуже пернатого певца. Княжна слушала благосклонно.

– Сотник! – немелодично рявкнул Духарев. – Ко мне!

Понятко мигом оборвал трель и поспешил к воеводе.

– Я ее князю везу, ты не забыл? – сурово произнес Сергей.

– Так я только повеселить ее хотел! – беззаботно отозвался Понятко. И тут же посерьезнел: – Случилось что, воевода?

– Может, и случилось. Машег пару отроков вперед послал – не вернулись.

– Давай я сам съезжу, – предложил Понятко. – Отстану, через вон тот взгорок переберусь и обгону.

– Езжай, – согласился Духарев.

Понятко был отменным разведчиком, даже лучшим, чем хузары. Ложку изо рта у тебя вынет – не заметишь.

Понятко придержал коня, пропуская повозки, а Духарев поскакал вперед, догнал Трувора.

Рёрехов племянник ехал в первой тройке своей сотни. Слева – Рагух, справа – Бодай. Рагух и Бодай дискутировали, Трувор слушал. Тему для дискуссии ветераны выбрали весьма интересную: прикидывали, как и где можно расположить засаду, чтобы ударить по посольству. И сколько у врага должно быть воев, чтобы обеспечить гарантированную победу. Рагух считал, что при внезапном нападении можно найти местечко, где хватит и пары сотен хороших стрелков. Бодай с хузарином не соглашался. Мол, дружина у русов бронная, а колонна растянулась сильно. Так что при плотности один лучник на каждые два шага получится минимум четыре сотни. А иначе он, Рагух, непременно найдет местечко, где укрыться, и тогда...

– Трувор! – позвал Духарев. – Скажи своим молодцам, чтобы взяли под охрану княжну. Умрите, но она должна остаться живой.

– Накаркали! – воскликнул Бодай. – Кто нас полюет? Копченые?

– Пока неясно, – честно ответил Духарев. – Чую, что-то неладно.

– А угры что?

– А уграм, гридь, у меня полной веры нет.

– Скверно, – вздохнул Бодай.

Как всякий опытный воин он терпеть не мог неопределенных ситуаций.

– Княжну Понятковы люди охраняют, – напомнил Трувор. – Их куда?

– Их – вперед. Пока Понятки нет, я сам их поведу.

Как ни высоко он ставил варяжскую молодежь, а все-таки в бою предпочитал более опытных киевских гридней.

Понятки все не было. Тревога Духарева усилилась. Он отправил Рагуха, немного разумеющего по-мадьярски, потолковать с уграми, прощупать обстановку.

Рагух вернулся ни с чем. Угорский сотник отнесся к хузарину довольно недружелюбно, а рядовые всадники, глядя на командира, тоже на контакт не пошли.

Духарев принял решение. Как только караван вышел на взгорок, с которого во все стороны было видно на пятьсот шагов, Сергей отдал своим команду: «Стой!»

Духаревские сотни дисциплинированно остановились. Угры продолжали двигаться. Они удалились почти на полкилометра, когда их вожаку наконец сообщили, что русы встали.

От подханка примчался посыл: что случилось?

Духарев отправил его без ответа.

Через десять минут примчался сам подханок Кухт. Роба малиновая, глаза бешеные.

За это время сотни Духарева успели перестроиться. Внутри, вокруг княжны – спешившиеся варяги. Вторым кругом – гридни Понятковой сотни. А хузары Машега, напротив, рассеялись вокруг, держась небольшими группками по два-три всадника.

– Что такое, рус? Почему встали?! – выпучив глаза, закричал Кухт.

Толмач отстал, но сказанное было понятно и без толмача.

Духарев подал коня вперед, наехал на подханка, глянул на него сверху вниз.

– Захотелось, – процедил он.

– Я велю немедленно ехать! – закричал Кухт на плохом печенежском.

– А я велю стоять, – спокойно ответил Духарев.

– Я говорю – ты делаешь!

Духарев покачал головой.

– Я тебя заставлю! – брызжа слюной завопил подханок.

Плеть Духарева мелькнула в воздухе, и на физиономии угра образовался багровый рубец. Духареву давно хотелось это сделать, и он решил, что может не отказывать себе в такой малости. Хлестнул легонько. Ударь посильнее – до зубов бы угру щеку просек.

Подханок взвыл, схватился за саблю... И обнаружил, что гридни киевского воеводы как-то незаметно оттеснили его угров, и теперь вокруг Кухта одни враги.

Тут, как раз вовремя, в круг протиснулся толмач. Его пропустили.

– Ты посмел ударить меня! – по-мадьярски прошипел подханок.

– Ты меня оскорбил, – жестко произнес Духарев. – Никто не говорит мне: я тебя заставлю, даже мой князь. А ты – никто. Ты – навоз под копытами моего коня. Я позволил тебе быть моим проводником, но ты должен знать свое место, холоп угорского хакана!

– Я не холоп! – бешено закричал Кухт. – За такие слова жизнью отвечают!

– Ты сказал, – констатировал Духарев. – Мы слышали. Как будем биться: пеше или верхом?

Подханка словно ледяной водой окатило: сообразил, что киевский воевода его спровоцировал. Но деться некуда: угрозу все слышали, а за такие слова принято отвечать.

Русы подались в стороны, пропуская мадьярских всадников в круг. Те тоже слышали заявление командира. Воевода русов принял вызов. Теперь поединок между начальниками – их личное дело. Запретить его могли только те, кому дуэлянты присягали на верность. Но ни князя киевского, ни дьюлы угорского здесь не было.

– Конно, – буркнул подханок.

Сергей кивнул.

Вооружение у них было примерно одинаковое. У Духарева доспехи и оружие получше, но не настолько, чтобы он получил явное преимущество.

– Биться будем там! – Кухт махнул рукой в сторону лежавшей справа от дороги пустоши, покрытой выгоревшей травой и мелкими кустиками.

Сразу за пустошью начиналась гряда холмов, но сама она идеально подходила для конной дуэли.

– Годится, – кивнул Сергей, и подханок тут же поскакал к дальнему краю пустоши.

За начальником, соблюдая дистанцию, порысили его ближние воины.

Духарев привстал на стременах, огляделся: его гридни стояли как надо. Где же, черт его дери, Понятко?

К воеводе подъехал Машег.

– Если ты хотел его убить, приказал бы мне, – укорил он. – Ты же воевода!

– Не жадничай, – улыбнулся Духарев. – Вот убьет меня, тогда и тебе достанется.

– Не шути так! – строго произнес Машег.

– Да ладно! Вот то, что Понятки все еще нет, меня действительно беспокоит.

– Да не волнуйся. Нет его, значит, далеко уехал.

– А твои отроки?

– Они живы.

– Вернулись? Что ж ты молчишь! – воскликнул Духарев.

– Нет, еще нет.

– Откуда ты тогда знаешь, что они живы?

– Я Бога спросил, – очень серьезно сказал Машег. – Бог ответил.

– Так прямо и сказал? – изумился Духарев.

– Серегей! – укоризненно произнес Машег. – Божье Слово сердцем слышат!

Духарев удержался, промолчал. Обижать Машега ему совсем не хотелось.

Они приближались к боевому рубежу. Примерно в трех сотнях шагов застыл крохотный одинокий всадник: хан Кухт.

– Отъезжай, – сказал он другу. – Еще ненароком стрелой заденет.

Машег пренебрежительно фыркнул, но отстал. Дуэль есть дуэль. Один на один.

Солнце стояло высоко. Пахло горячей травой и конским потом. В блеклом небе кружились черные птицы, обычные спутники воинов.

Духарев взял лук, расстегнул колчан, сдвинул его поудобнее, вытянул три бронебойные, с гранеными наконечниками. Одну – наложил, две – прижал мизинцем. Эх, ветерок неприятный, встречный. Хоть слабенький, но порывистый. Надо полагать, именно поэтому подханок решил занять дальнюю позицию.

Противник ждал. Духарев видел, что он тоже приготовился. Угры – отменные стрелки, надо быть начеку. Сергей легонько послал коня вперед. Пепел, настоящий боевой конь, чувствующий каждое движение-желание хозяина, взял коротким галопом. Именно так, как надо.

Духарев поднял лук...

Угр выстрелил первым. Метнул сразу три стрелы. Духарев – только одну. Он не видел, куда она ушла. Попал бы – увидел. Угр тоже промахнулся. Три его стрелы прошли намного выше головы Духарева.

И тут хан развернулся и поскакал к холмам. Это что за фокусы?

Духарев еще удивлялся, но его колени уже послали коня в намёт. Конь у Сергея был лучше, чем у Кухты, но Пеплу приходилось труднее: его всадник весил намного больше подханка.

Расстояние не сокращалось. Стрелять бессмысленно: только стрелы тратить.

Духарев промчался мимо секундантов угра, сбившихся в кучу. Видимо, поведение начальника их тоже озадачило. Но когда десятка три духаревских хузар поскакали за своим воеводой, угры тоже пустились вслед за подханком...

Кухт достиг склона холма – крутого, неровного и каменистого – и поехал тише. Если он хотел получить преимущество высоты, теперь самое время остановиться и закидать Духарева стрелами.

Но хан не остановился.

Пепел летел птицей. Дистанция между дуэлянтами быстро сокращалась. У начала склона Духарев придержал коня (его противник как раз достиг вершины) и выстрелил. Проклятый ветер увел стрелу, а хан исчез из поля зрения.

Духарев спрыгнул на землю и бегом устремился вверх. Не хотелось изнурять коня. К тому же если Кухт решил подбить Духарева, когда тот перевалит через холм, угра ждет небольшой сюрприз. Сергей бежал, обученный Пепел рысил рядом, не отставая и не обгоняя.

Угр не ждал его с наложенной стрелой. За этим холмом поднимался следующий и Кухт въезжал на соседний склон... Уже слишком далеко для прицельного выстрела.

Духарев прыгнул в седло...

За спиной у него захрустел гравий. На лысый холм въехал Машег. Конь хузарина дышал ровно и мощно. И не скажешь, что вверх скакал.

– Стой!

– Стою! – Духарев повернулся к хузарину. – В чем дело?

– Заманивает, – быстро сказал Машег.

– Откуда знаешь?

– Так видно же! – и вдруг схватил Духарева за руку. – Туда гляди!

Духарев повернулся в указанном направлении, ожидая увидеть вражескую армию, но увидел одинокого всадника с заводной лошастью. Духарев прищурился...

Но тут раздался пронзительный свист. И по свисту Духарев сразу признал Понятку, который привстал на стременах, махнул руками: стой!

– Там их сотен пять или около того, – рассказывал Понятко. – Твоих, Машег, отроков повязали, но не убили. Держат. Копченных с полсотни, остальные угры. Главный – тоже угр. Зовут Иглегчу...

– Иг Лехчу, – угрюмо поправил оставшийся с посольством мадьярский сотник и добавил что-то на смеси мадьярского и печенежского.

После бегства подханка угорская часть конвоя сократилась на две трети: двое других сотников сразу увели своих людей. Духарев не успел их остановить. Да и не смог бы, не применяя силы. То были воины из рода Кухта, который, как выяснилось, действительно на треть печенег. Дед его повздорил с лидером племени и откочевал к уграм.

– Иг – это по-ихнему вождь, – пояснил «полиглот» Рагух. – Глава рода.

– А как ты узнал про этого Легчу? – заинтересовался Трувор.

– Да просто. Копченого одного тихонечко уволок, – пояснил Понятко. – Поспрашивал маленько – и узнал.

Машег одобрительно кивнул. Когда-то он сам натаскивал Понятку на степную «охоту». И чувствовал законную гордость, когда молодой сотник по открытой местности «просто» подбирается к вражескому лагерю и «просто» берет языка, причем подбирает не угра (потому что по-угорски почти не говорит), а печенега.

– Ждут нас со вчерашнего. От нашего подханка к ним каждый день посылы бегали. Чего их хану надо, копченный не знает. И почему подханок решил нас сдать, тоже не знает.

– Я знаю, – сказал угорский сотник. – Дед Лехчу его деда в свой род принял.

Он еще что-то пытался объяснить, но у Духарева не было настроения вникать в игры мадьярских «босяков»⁸.

– Значит так, – сказал он. – Пока они там чухаются, мы отходим назад, к колодцу, и встаем в оборону. Переведи ему, Рагух, – Сергей кивнул на сотника-угра. – Скажи, пусть пошлет вестников к хакану Такшоню или кому поближе, он сам разберется.

Сотник выслушал. И сообщил, что вестники уже в пути. Только ранее, чем через неделю, помощи ждать не стоит, а за неделю Лехчу и его людей, и русов наверняка перебьет. Но драться все равно придется, потому что если они сдадутся, то их тоже прикончат: либо Лехчу, либо возмущенный их трусостью Такшонь. А отступить к колодцу они не успеют. До колодца три тысячи шагов, а у них повозки. Повозки катятся медленно, всадники Лехчу скачут быстро.

– Замечание принято, – кивнул Духарев. – Твоя задача – наладить отход. Приступай!

Сотник без лишних слов бросился выполнять приказ.

– Машег, бери своих и отправляйся навстречу этому Лехчу. Твоя задача, чтобы его всадники скакали не слишком быстро. Вперед!

– Ты остаешься! – притормозил Духарев Рагуха, нацелившегося за Машегом. – Ты мне нужен здесь. Потому что здесь, – он махнул рукой туда, где дорога сужалась, стиснутая двумя осыпями, – их будем ждать мы.

– Копченных много, Серегей! Хочешь драться? – с сомнением проговорил Понятко.

– Нет, братишка, драться мы не будем. Нет у меня желания подкормить вами этих славных птичек, – Духарев показал на ворон. – Если Иг Лехчу все-таки прибьет слишком быстро, мы вступим с ним в переговоры. Мне жутко интересно узнать, что ему надо.

В отличие от других, он видел приданое, выделенное папашей Такшоном дочери. Слишком мало, чтобы, плюнув на недвижимость, отправиться в далекие края. А отправиться придется, потому что дьюла такого безобразия не простит.

– А если мы не договоримся, – продолжал он, – то быстренько отступим назад. На свежих лошадях уйдем легко. А Трувор тем временем как раз наладит оборону. Рагух, скажи угру, что его люди могут отдохнуть, пока эта тень не переместится вот сюда.

⁸ Boseg, представители венгерской военной аристократии.

Рагух перевел, сотник поглядел на отметку, сделанную на земле Духаревым, и заспорил.

Рагух засмеялся, выдал длинную реплику, похлопал угра по плечу. Угр с сомнением покачал головой, но отправился отдавать соответствующие распоряжения.

– Что ты ему сказал? – спросил Духарев.

– Сказал, что он не знает, что такое белые хузары моего друга Машега, а ты, воевода, очень осторожен. На самом деле у нас вдвое больше времени...

Глава тринадцатая

Предательство (продолжение)

Подханок был убит. Лично Машег вогнал ему стрелу в глаз с трехсот шагов. Меткость этого хузарина вызывала даже у его соплеменников суеверный страх. Магометане хакана Йосыпа на скаку выхватывали из травы кончиком пики колечко с привязанной к нему белой ленточкой. Наконечник стрелы Машега находил это кольцо за двести метров. На таком расстоянии Духарев даже разглядеть это колечко не мог. Машег, правда, колечко видел. С такими глазами можно с балкона восьмого этажа читать лежащую на асфальте газету. Но дело было не только в зрении. Там, где Машег попадал в колечко (правда, только *своей* стрелой и из *своего* лука), Духарев не всегда попадал в ростовую мишень, хотя считался хорошим стрелком даже по степным меркам. Наверное, эта сверхъестественная меткость была наследственным качеством. Те дружинники-хузары, которые стреляли лучше других, были дальними родственниками Машега и тоже потомками воинов-степняков в...надцатом поколении. Всезнающий Артак рассказывал Духареву, что предки нынешних хузар с боем добыли себе место под степным солнцем чуть ли не у самих легендарных хунну, о воинственности и свирепости которых знал даже не шибко эрудированный в истории Духарев. По фильму «Аттила».

В общем, необходимости во втором «заслоне» не возникло. Машег пристрелил хана Кухта. Кухтовы обиженные родичи тут же бросились в погоню и напоролись на засаду из сотни затаившихся хузар. Полсотни преследователей тут же отправились вслед за своим ханом, а остальные – под защиту Иг Лехчу, вопя о несметных вражеских полчищах. Лехчу сделал поправку на испуг, предположил численность противника сотни в три-четыре и решил, что русы и оставшиеся с ними угры зашли ему во фланг. С подобающими осторожностями он вышел к месту засады, но обнаружил всего лишь несколько десятков трупов, из которых убийцы хозяйственно вырезали стрелы. Лехчу послал десяток легких всадников дальше... И живыми их больше не увидел. Увидев же их мертвыми, наконец вспомнил об осторожности, и следующие дозоры отправились на поиски не напрямик, а с учетом специфики местности. Лехчу же возвратился в свой лагерь... Где и обнаружил противника, всю атаковавшего оставленную при кибитках охрану. Увидев войска Лехчу, противник поспешно отступил за холмы. Поскольку традиционная военная тактика степняков (и угров в том числе): напасть, затем отступить, увлекая преследователей туда, где ждет засада, Лехчу преследовать нападавших не стал. Он дождался возвращения дозорных (никого не обнаруживших) и двинулся трактом по направлению к горам, справедливо рассудив, что обоз, состоявший из обычных повозок, никуда с дороги не денется. Несколько километров, отделявших Лехчу от места, где покойный Кухт огреб плеткой по морде, оказались довольно трудными. Угров раз пять обстреляли (не нанеся существенного урона) и один раз закидали камнями (тоже не причинив особого вреда).

Но когда эти километры наконец оказались пройденными, Лехчу не нашел ни обоза, ни русов. Выждав положенное время, Духарев покинул вторую линию обороны и отступил к колодцу.

Воины Лехчу появились там три часа спустя.

– Мне не нужен этот скарб, – перевел толмач. – Можешь забрать его себе, рус, или вернуть князю Такшоню, как пожелаешь. Мне нужна только девушка. Она мне так дорога, что я готов взять ее безо всякого приданого. Я ее люблю, а она любит меня. Отдай мне девушку – и езжай куда хочешь.

Духарев с некоторым удивлением поглядел на Лехчу. Он уже давно вышел из того возраста, когда верят в романтические истории о великой любви принцессы и ее избранника, коей всячески припятствует нехороший принцессин папашка. Кроме того, мордастый вислоносый

Лехчу слабо соответствовал образу прекрасного избранника пятнадцатилетней девушки. Но, как говорится, любовь зла, и козлы этим пользуются.

А у данного «козла» имелся вдобавок весомый аргумент: полтысячи всадников. Впрочем, под началом Духарева было немногим меньше. Почти три сотни (включая угров Такшоня) – в лагере, и сотня хузар, державшихся в отдалении и готовых ударить врагу в спину, если тот решится штурмовать составленный из перевернутых повозок оборотнительный периметр.

Драться не хотелось. Угры Лехчу – не ополчение, волчары еще те. И стрел у них в достатке, и пики остры. Укрываться же за кибитками еще лучше, чем за возами. Если дело дойдет до драки, многие из духаревских гридней никогда не увидят Киева. Может, отдать ему девушку? Тем более если у них любовь... А Такшонь сам виноват. Это его воевода оказался предателем... Значит, ответственность за княжну с Духарева снимается. Да и зачем Святославу невеста, влюбленная в другого?

«Отдам», – решил он. Очень уж ему не хотелось, чтобы его... *его* дружинники погибли в какой-то бесславной стычке непонятно за что.

– У него в плену двое моих воев, – сказал Духарев. – Пусть вернет.

Толмач перевел. Лехчу ответил.

– Их отпустят, – сообщил толмач. – Ты согласен?

– Скажи своему хозяину: я должен подумать! – объявил Духарев.

Княжну устроили в самом центре лагеря, на коврике. Вокруг, оградив ее щитами, стояли варяги Трувора.

Духарев присел на корточки. Княжна смотрела на него доверчиво, с надеждой. Ни следа аристократического высокомерия не было в этой девочке, а была готовность принять любую судьбу, уготованную ей старшими: отцом, который отдавал ее навсегда даже не в чужую семью, в чужую страну; воеводой, которого она впервые увидела неделю назад...

– Объясните ей: хан Кухт привел нас в засаду к Иг Лехчу, ее возлюбленному. Иг Лехчу хочет взять ее в жены, и войско у него сильнее, чем у нас. Если она согласна, я отдам ее Иг Лехчу.

Понятко и Рагух совместными усилиями довели сказанное до сознания сотника-угра, а тот, в свою очередь, мрачно изложил ситуацию девочке.

Глаза юной княжны наполнились слезами. Помедлив, она кивнула...

– Вот и хорошо, – сказал Духарев.

И остался на месте. Что-то было не так. Непохоже, чтобы девочка плакала от счастья. Скорее, наоборот. Может, она боится гнева отца... Или Лехчу соврал насчет любви?

– Спросите ее: действительно ли она любит Иг Лехчу и хочет за него замуж?

Девочка выслушала, прошептала несколько фраз.

– Она его не любит, – сообщил Понятко. – Она говорит: у Лехчу год назад умерла жена, и этой зимой он приезжал к её отцу свататься. Отец спросил ее, хочет ли она за Лехчу, она сказала «нет», и отец отправил Лехчу восвояси. Но отец, скорее всего, все равно отказал бы Лехчу, потому что тот им не ровня.

Тут подал голос угр-сотник. Суть его высказывания была такова: а) Лехчу уже взял жену, дочь печенежского хана; б) лично он, сотник, все равно будет драться с Лехчу, потому что пусть лучше его убьет Лехчу, чем Такшонь; в) княжну лучше зарезать, потому что Лехчу, скорее всего, попользуется ею, а затем отдаст ее ромеям как заложницу.

Духарев думал. Сотнику он доверял примерно так же, как Лехчу.

Снова заговорила княжна.

– Она говорит: Лехчу все равно возьмет ее. Она не хочет, чтобы нас убили. Еще просит не убивать ее.

– Скажи: никто ее убивать не собирается! – сердито бросил Духарев. – А насчет «все равно возьмет» это мы еще посмотрим!

Сергей поднялся, поглядел на своих воинов... Ну да, он может пожертвовать одной жизнью, чтобы сохранить многих.

Но ни хрена! Не станет он выкупать свою жизнь и жизни своих парней такой ценой. Они – воины. Драться и умирать – их профессия. Драться и умирать, защищая вот эту доверенную им девочку.

– Ну, что смотришь, сотник? – бросил он кривящему физиономию Понятке. – Не нравлюсь?

– Не по Правде это, воевода! Не по чести! – дерзко заявил сотник. – Нельзя ее отдавать! Вот и Трувор тебе скажет!

Трувор мрачно кивнул. Сопляки! «Не по чести!»

– А кто вам сказал, что я собираюсь ее отдавать? – осведомился Духарев. – Ну-ка... – Он оперся на плечо Понятки и вспрыгнул на борт перевернутого воза.

Лехчу ждал ответа. С ним рядом гарцевали человек двадцать. Остальные угры неорганизованной массой теснились шагах в сорока. Многие спешили. Чего бояться? Их ведь было раза в два больше, чем укрывшихся за возами дружинников Духарева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.